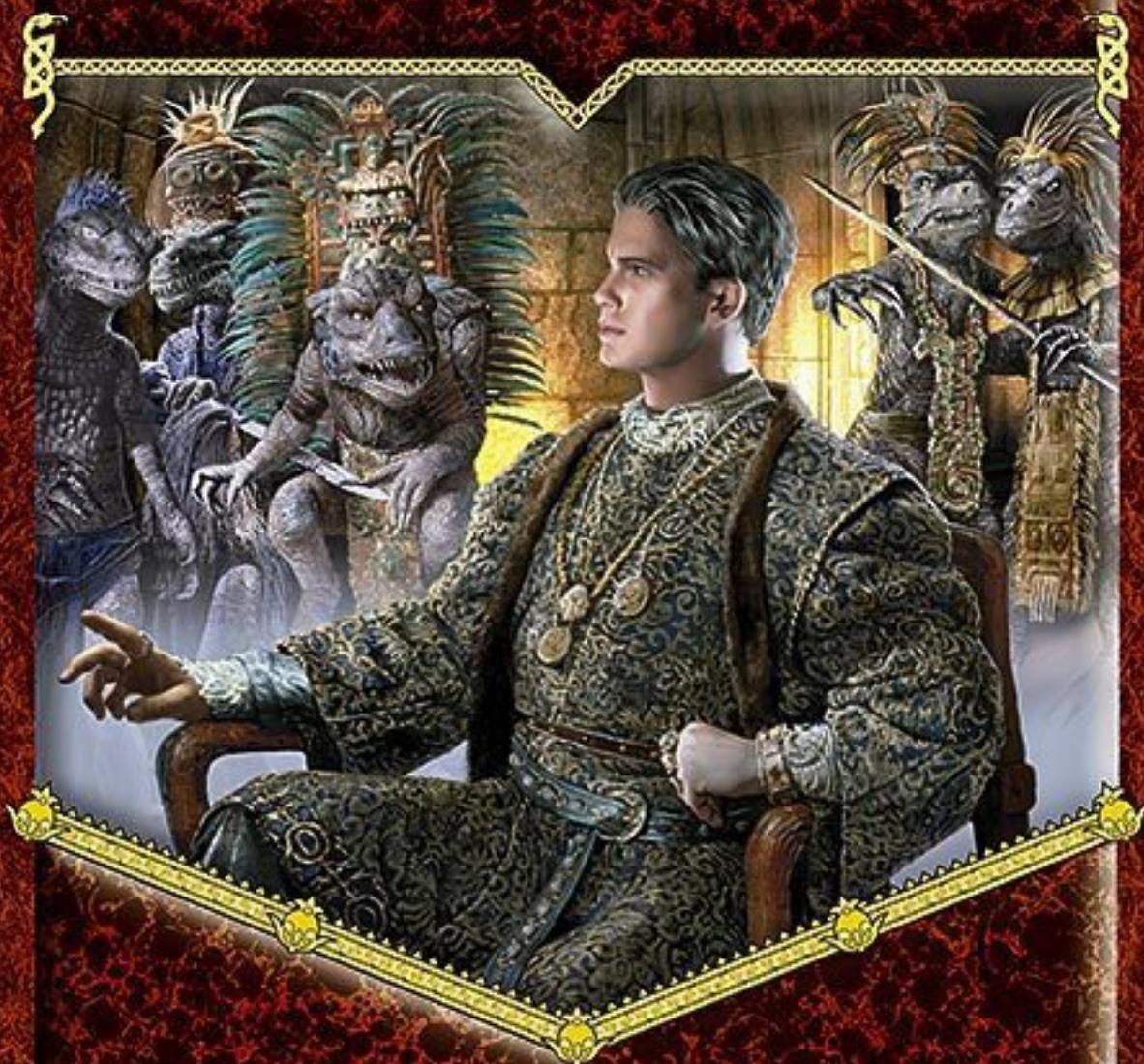

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

СЕРЫЙ
ВЛАСТЕЛИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Истринский цикл

Евгений Щепетнов

Серый властелин

«Щепетнов Евгений»

2013

Щепетнов Е. В.

Серый властелин / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2013 — (Истринский цикл)

ISBN 978-5-9922-1397-3

Вы бы могли бросить своих друзей в беде? Нет? Вот и он не может. И снова он лезет туда, куда другого и палкой не загонишь, бьется за жизнь – собственную и близкого человека. Интриги, магия, таинственное Зло, подстерегающее на далеких островах, – все предстоит познать Владу. А что ему остается? Человеку, от которого зависит не только существование ближних, но и судьба самой Истрии... и всего мира.

ISBN 978-5-9922-1397-3

© Щепетнов Е. В., 2013

© Щепетнов Евгений, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Евгений Щепетнов

Серый властелин

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

– Пушки, пушки давай! На прямой выстрел! По воротам – пли!

Полковник Тарлов махнул рукой, будто отрубал что-то, и раскаленные снаряды с воем понеслись к воротам мятежного замка.

Ядра с грохотом ударились об окованные железом створки, те дрогнули и, закричав, выдали результат – длинную щепу вроде дранки, отлетевшую от левой половины.

– Вот так и продолжайте! – удовлетворенно кивнул полковник. – Через пару часов от них одни щепки останутся. Спецназ, готовьтесь к входу в крепость! Драконы, близко не подходить – вам же неохота получить дротик в зад?

– Как будто ему охота дротик в зад! – ворчливо заревел, обращаясь к своим товарищам, дракон по имени Белоголов. – Лучше бы отпустил дракониров за баранами, меня от каши мутит! Хочу кусок свежей баранины! А еще – скинуть эти чертовы железки с себя!

– Помалкивай, Белоголов, – буркнул Зеленушка, внимательно следя за передвижением людей. – Радуйся, что броня есть! Забыл, как тебе в зад три дротика воткнулись с крысанов?

– Еще бы я забыл! – хмыкнул Белоголов. – Я тогда в такую ярость впал... Опомнился – вместо подбитого крысана лепешка, а я за драконом бегая, норовлю ему голову откусить... вот он вопил от страха! Я чуть его не прибил вгорячах.

Драконы захохотали – что у них выглядело как фыркание и рев, даже Зеленушка фыркнул, но потом добавил:

– Поаккуратнее со своими драконами – где потом обученных слуг найти? Эти уже все знают, все умеют, случись что с ними, кто тебе будет в подмышках почесывать? Берегите их!

– Да, согласен, – вздохнул Белоголов. – Я уже как-то привык к мальчишке – забавный звереныш. Жалко, если погибнет. Я его берегу как могу. А уж как почесывает великолепно! Даже непонятно, как мы раньше без них обходились.

– То-то и оно. Мы сыты, спим, тренируемся – жизнь вполне неплохая. Если бы еще не эти демонские дротики! И тяжелые копья...

– Ага. Мне так не нравятся тяжелые копья! Прошлый бой один поганец чуть не воткнул мне копьё в ляжку – хорошо, что не добежал! Мой Гарат его снял из арбалета за десять шагов. Я глянул потом на наконечник копья – ужас! Он бы мне всю ногу разворотил!

– Вот-вот, еще о пользе дракониров. Ну ладно, пошли к речке, попьем да на бережку посидим.

Драконы радостно загалдели и толпой зашагали к небольшой речке, расположенной в двухстах метрах от крепости. Тарлов проводил их задумчивым взглядом и крикнул командиру взвода дракониров:

– Отправь человек пять в деревню поблизости, надо драконов покормить бараниной как следует. И зажгите костры – погреетесь, не хватало, чтобы бойцы слегли от простуды. Драконам-то плевать на мороз, а люди зябнут. Выполнять!

– Есть! – Михась вскочил на коня, отдал команду, и несколько бойцов следом за ним поскакали в сторону видневшейся в лучах осеннего солнца деревни в паре верст от них.

Тарлов проследил за ними взглядом, вдохнул морозный воздух и снова сосредоточился на воротах мятежной крепости.

С тех пор как Влад вылетел в крепость мятежного барона Некайло, прошло три недели. Затяжные дожди как-то резко прекратились, неожиданно пришедшие на смену слякоти морозы сразу же сковали грязь, превратив ее в твердую, словно бетонированную поверхность, в которой не вязли колеса повозок и пушечных лафетов. Тарлов этим воспользовался и, выполняя распоряжение фельдмаршала, осадил ближайшую крепость, досаждавшую замку Савало-

вых долгое время. Распоряжение Влада было четким – пройти огнем и мечом по владениям соседей-дворян.

Эта была крепость одного из тех баронов, которые по наущению герцога Ламунского некогда опустошали владения Влада, уничтожая деревни и разграбляя припасы. Влад, уходя по своим тайным магическим делам, поручил Тарлову и Бориславу разобраться с мятежниками, а проще говоря – захватить их земли, полностью подчинить себе или уничтожить. Ему самому некогда было учинять разборки с этими мелкими дворянчиками, считавшими себя пупами земли и ставящими ему палки в колеса. Кроме того, существовала вероятность, что в то время, как Влад вступит в противостояние с захватчиками Истрии, эти мелкие пакостники-дворянчики ударят в спину – по глупости и подлости своей.

Тарлов был спокоен – отряд спецназа около пятисот человек плюс обычное войско превосходили по боеспособности любое войско врага – конечно, если только те не объединятся в одну армию и если не обучат как следует своих латников. Впрочем, и в этом случае войску Влада ничто не грозило – учтя ошибки, усвоив уроки поражения от викантийцев, маг создал сильнейшую армию, самую сильную армию в этой части света, а возможно, и во всем мире. Никто не мог противостоять его армии, вооруженной пушками, с отрядом из сотни драконов, со спецназом из модифицированных воинов, превосходящих в несколько раз обычных людей и в силе, и в скорости.

Полковник спокойно и размеренно выполнял задачу, поставленную ему командиром. Он не задумывался о последствиях, не думал о том, правильно ли поступает, справедливы или нет распоряжения его фельдмаршала. Он был военным до мозга костей и считал делом чести служить такому командиру, как Влад. Тарлов видел, что делает и что может сделать Влад, и знал, что единственной надеждой для страны остается вот этот молодой с виду двадцатипятилетний маг, воин и фельдмаршал.

Пушки размеренно разбивали ворота, и через полчаса непрерывной канонады огромная створка с грохотом упала, подняв клубы пыли.

– Прекратить огонь! – крикнул Тарлов. – Красный щит сюда!

Принесли красный щит, водрузили его на шест, и полковник медленно, в сопровождении Борислава и щитоносца отправился к воротам крепости.

Подойдя к крепости, Тарлов громко крикнул:

– Эй, в крепости! Переговоры!

Некоторое время было тихо, потом через груды развалин в воротах перебрались трое людей – один был в блестящей, с золотыми узорами кирасе, а двое других скорее всего являлись телохранителями первого. По всем признакам, в кирасе был сам барон, крепость которого они успешно разбивали ядрами.

– Кто вы такие и что хотите от нас? Почему напали на мирную крепость? – грозно спросил барон, шевеля таракаными рыжими усами, видимо пытаясь придать своему лицу особо устрашающий и бравый вид. Выходило у него это довольно забавно, и Тарлов слегка улыбнулся, что разозлило барона еще больше. – Покиньте наши земли, и вы сохраните свою жизнь! – потребовал барон, и Тарлов уже открыто улыбнулся, переглянувшись с презрительно ухмыляющимся Бориславом.

– Заткнитесь, барон! – резко прервал речь усача полковник. – Вы прекрасно знаете, кто мы и зачем пришли. Вы напали на земли Савалова, нанесли нам ущерб. Теперь пришел наш черед. И утверждение, что вашу поганую крепость мы можем снести с лица земли, так же верно, как и то, что вы обрабатываете свои грозные усы по утрам, чтобы они стояли торчком. Разговариваю я сейчас с вами только потому, что не хочу лишних жертв.

– А что вы хотите? – угрюмо осведомился покрасневший барон, ковыряя носком сапога кочку, как будто от того, оторвет ли он от нее вмерзшую еловую шишку, зависит его будущее.

– Мы хотим, чтобы вы с нынешнего дня выплачивали графу Савалову налоги, как императору Истрии, – десять процентов с валового дохода. Кроме того, единовременную компенсацию за ущерб – размер мы оговорим позже, после того как наш человек проверит состояние ваших доходов. С этого времени вы будете вассалом графа Савалова, будете подчиняться его законам, его требованиям, в общем, как раньше императору Истрии. В случае вашего отказа мы штурмом возьмем крепость, вы будете казнены, а ваше место займет более сговорчивый ваш родственник или человек, которого мы поставим. На размышление вам два часа. Или вы готовы ответить сразу?

– Да вы с ума сошли! – побагровел барон. – Как вы посмели?! Я умру, а не сдамся! И моя семья умрет вместе со мной, защищая нашу землю, на которой мои предки...

– Ну, значит, умрете. И скоро, – равнодушно прервал гневную тираду Тарлов. – Я предлагаю вам жизнь, благополучие, вы же выбираете смерть. Хотите гнить в земле? Ваше право. Пошли, Борислав. Запомните, барон: через два часа наши специальные войска ворвутся в замок и убьют всех, кто окажет сопротивление.

Тарлов развернулся и, больше не обращая внимания на опешившего барона, пошел в расположение своего войска.

– Давай чаю попьем, что ли? – предложил он своему спутнику, гиганту Бориславу, командиру отряда спецназа. – Ветерок вроде небольшой, но пробирает просто до костей. С медом – самое то, чайку-то!

Тарлов потер замерзшие руки, Борислав кивнул, и они направились к шатру, из которого шел дымок – самовар уже дожидался командиров армии возмездия.

– Аккуратнее там. У тебя три дня. Выйдешь на площадку за городом – помнишь, у того дуба? Я перемещусь и заберу тебя. Если тебя в тот момент не будет – отправим агентов тебя искать. Не рискуй, Влад будет очень расстроен, если с тобой что-то случится!

Макобер потер голову рукой – затылок ныл, как будто по нему стукнули поленом. Он слишком много тренировался в создании порталов, и мозг запротестовал, требуя отдыха.

Магистр магии взглянул на стоящую перед ним старушку – сгорбленную, с длинной клюкой, в засаленном платье и платочке, надвинутом на глаза, – и весело сказал:

– Ну и видок у тебя, Амалия! Сейчас на тебя вряд ли кто позарится... Впрочем, если вина побольше...

– Макобер, ты как был старым похотливым козлом, так им и остался, – беззлобно огрызнулась Амалия, она же глава Тайной службы Влада. – Ты где такой сиреневый костюмчик взял? Выглядишь как попугай!

– Попугай сиреневые не бывают! – не обиделся Макобер. – А костюмы мне шьет одна беженка из столицы. Раньше она дамской портнихой была, а теперь шьет все, костюмы в том числе. Знатная мастерица. Дать адресок? Она в деревне нынче живет. Впрочем, чего это я, ты же, кроме своего черного костюма да сальных обносков, ничего не носишь! Эй-эй, не приближайся ко мне! Эх, если бы не Влад... я бы тебя обязательно соблазнил... даже в этом наряде!

– Извращенец! Любитель старушек! – фыркнула Амалия. – Давай отправляй уже, попугай сиреневый!

– Дай я тебя обниму! – порывисто качнулся вперед Макобер и, прежде чем девушка успела отреагировать, обнял ее и шагнул назад. – Ну все, готовься!

Амалия с недоверием посмотрела на мага, недоуменно приподняла брови, потом пожала плечами и сказала:

– Начинай уже... создавай портал. Хватит время тянуть, пора в дорогу.

Макобер сосредоточился – зазмеились молнии, белыми шипящими лентами облизывая бугор возле реки, на котором стояли маг и девушка, и уходя в застывшие на морозном ветру

осины. В воздухе с легким хлопком развернулось зеркало портала, переливающееся жемчужным блеском.

– Давай! Я тебе не Влад, долго держать не могу... пока что. До скорого! Запомни: три дня! Амалия кивнула на прощанье, сделала два шага и, прыгнув в портал, исчезла.

Макобер отпустил портал, понюхал руки, которыми обнимал Амалию, – ему показалось, что на них остался тонкий запах ее благовоний. Но, возможно, и вправду показалось.

Маг горестно вздохнул. Вроде и женщин хватает, и влюбляются в него – Влад дал ему молодость, силу, – но вот не хочется этих женщин, а хочется одну, недоступную, колючую, как кактус, и сильную, как дракон... и она принадлежит не ему. Несправедливо... Он еще раз вздохнул и побрел к замку, видневшемуся в пятистах метрах от реки.

Осенний ветерок развеивал знамена графа Савалова на каменных башнях. В ворота медленно втягивались повозки с продуктами, чуть поодаль виднелись срубы, на которых сушили люди – строился городок Владов, так решили его назвать. Вообще, вокруг замка шло бурное строительство, селились беженцы, которым оказывался радушный прием. Особенно мастеровым людям. Топились печи, отчего в воздухе разливался уютный дымок, наводящий на мысли о горячем хлебе и тарелке щей.

Макобер поехал на ледяном ветру и, ускорив шаг, почти побежал к заведению, находящемуся справа от замка. Это был трактир-гостиница, первое, что начали строить, когда остатки разбитой истрийской армии переместились к замку графа Савалова. Макобер мог и в замке получить еду и вино, но он ужасно любил посидеть в трактире, среди толкотни, солдат и дешевых шлюх. Там запросто можно было оказаться в центре какой-нибудь заварушки, и что может быть веселее, чем выкинуть из окна трактира пьяного здоровяка-солдата, купившегося на легкомысленный вид Макобера, выглядевшего как городской прощелыга. Ведь так приятно отдубасить ботана в попугайском костюме. Вот только под сиреневыми щегольскими тряпками таилось не жалкое тело изнеженного повесы, а могучий организм модифицированного магией человека, способного на лету поймать стрелу и завязать узлом стальной прут толщиной с большой палец руки.

Вначале на Макобера часто нападали, и он наслаждался развлечениями, но скоро уже все знали, насколько опасен этот смешной человек, и, к его неудовольствию, подобные забавы для него стали редкостью. Лишь иногда старослужащие нарочно науськивали новичка-новобранца, подбивая его научить уму-разуму городского хлыща, и тогда Макобер устраивал целые представления, в финале которых агрессор оказывался лежащим возле крыльца трактира. Но потасовки – это вторично. Макоберу нравился шум, танцы, заезжие музыканты, забредавшие в трактир и зависавшие там на дни и на недели. Он старался все вечера проводить в этом заведении, и его там хорошо знали. Впрочем, мудрено не знать великого магистра магии, ближайшего сподвижника самого Влада! Если бы в этом мире существовала фотография, газеты и телевидение, его знала бы в лицо каждая собака, а так лишь имя его было на устах истрийцев, а в лицо знали только коренные жители этих земель.

Макобер подошел к двухэтажному бревенчатому зданию, поднялся на высокое крыльцо (под зданием находился обширный склад-подвал) и толкнул дверь. Его обдало ароматом пирогов, жареного лука и бурлящего в огромных котлах мяса, а в уши ударили звуки струн. Он с довольным видом остановился на пороге, глубоко втянул носом запахи веселья и решительно направился к любимому столику возле окна. Если жизнь не приносит радости, зачем она? Жить сотни лет и не получать радости? Это не для него. Макобер был сейчас счастлив, как и частенько за годы своей долгой восьмисотлетней жизни...

Переход, как всегда, был неожиданным и резким, как будто кто-то дернул за руку и утащил в неизвестное пространство. Легкий приступ тошноты, головокружение, удар... и Амалия покатила по твердой земле, не удержавшись на ногах. Приземление в этот раз было довольно

жестким – она слишком быстро запрыгнула в портал, а при выходе запнулась ногой за полусгоревший сухой ствол осины и перелетела через него кувырком. Если бы не ее молниеносная реакция и феноменальная везучесть, Амалия могла сломать себе конечность или ребро, когда ударились о землю.

Впрочем, Влад давно усилил ее кости до такой степени, что они были сравнимы со стальными прутьями. Связки и мышцы были укреплены таким же образом. На самом деле Амалия давно уже была не человек в общепринятом понимании, нет, это была совершенная боевая машина, которую маг-лекарь «выковал» из бывшей своей хозяйки, когда его захватили в рабство проезжие работоторговцы. Он полностью изменил ее сознание, усовершенствовал организм, и теперь Амалия была предана ему до последней клеточки своего совершенного и прекрасного тела. Причудливый сплав прежнего сознания и нового, навязанного магом, вылился во всепоглощающую любовь к своему хозяину-господину, а прежний опыт жизни и интриг в империи Викантии позволил ей занять одно из ключевых мест в нарождающейся Истрии – главы Тайной службы. Она занялась сбором информации и организацией шпионской сети, которая в идеале должна была охватить всю Истрию, как паутина. Ей удалось создать сеть в городах на севере, мало затронутых оккупационными войсками, вернее сказать, совсем не затронутых – весь юг находился во власти Викантии, со всеми вытекающими последствиями, но север как бы провис между властями – оккупантами и новообразованной империей во главе с графом Саваловым, Владом, с центром сопротивления – замком Савалова.

Конечно, агенты Викантии наводнили такие города, как Лазутин, но до открытой войны двух империй пока не доходило – мешал сезон дождей, превративших дороги в непролазные топи. Если на севере дороги уже установились, замороженные первым дыханием зимы, то на юге еще продолжались осенние дожди.

Амалия сразу это ощутила, проехавшись по сырой земле. Ее одеяние, и так жалкое, превратилось в замызанную тряпку, и девушка, всегда чистоплотная и элегантная, тихо ругалась, вспоминая самые грязные и витиеватые ругательства из лексикона истрийцев и викантийцев. Сама она по рождению была викантийкой – смуглой, небольшого роста, с карими бархатными глазами.

У нее были мысли замаскироваться под истую викантийку – ее сразу бы признали за свою в любом южном городе Викантии и она затерялась бы в толпе. Но тут такой номер не удался бы, поскольку армия вторжения состояла в основном из мужчин, а женщины (в большинстве своем шлюхи, обслуживающие солдат) были наперечет, да и не смогла бы она бродить по городу и заходить туда, куда ей хотелось, – викантийцы не бродят просто так по городу. Хотя за каждого убитого викантийца сразу казнили пятьдесят заложников, всегда существовала вероятность, что кто-нибудь из отчаянных горожан не выдержит и пустит стрелу в спину оккупанта.

Впрочем, у Амалии имелись сведения, что горожане не больно-то и горят желанием организовывать сопротивление захватчикам. У всех семьи, надо жить, работать, а уж какая установилась власть – не суть важно. Главное – чтобы была еда, кров, одежда. Она не осуждала их, но и симпатии к ним не испытывала. Вообще, Амалия мало к кому питала теплые чувства, у нее была одна любовь – Влад. Ну еще, может быть... Макобер. Этот похотливый старикашка, с которым она все время собачилась, вызывал у нее странное чувство, сродни любви – он нравился ей своей взбалмошностью, бесстрашием, экстравагантными манерами, а теперь, когда Влад его омолодил, еще и внешностью. Чего греха таить – Амалия очень любила сексуальные утехы, для того когда-то и приобрела Влада, глянувшего на нее своей мужественной, суровой внешностью. Макобер не был так брутален, сейчас он больше был похож на озорного мальчишку, но Амалии катастрофически не хватало секса – особенно после того, как Влад исчез где-то в замке мятежного барона. Он не брал с нее обета верности, но ей казалось, что будет неправильным предаваться постельным радостям не с ним. А кроме того, после него

все остальные мужчины казались ей какими-то пресными, неинтересными... за исключением Макобера. Во все времена женщинам нравились «плохие мальчишки».

Девушка выбросила из головы шальные мысли и сосредоточилась на своем задании. Ей нужно было восстановить шпионскую сеть в столице, и никто, кроме нее, не мог этого сделать – только она знала в лицо всех своих резидентов. Также ей нужно было выяснить обстановку в городе, собрать сведения об оккупационной армии – в будущем придется сражаться с этой армией, и нужно знать, к чему следует подготовиться.

Амалия как смогла отряхнулась от грязи, подобрала свою клюку – длинную отполированную палку со слегка загнутой рукоятью – и заковыляла к городу. Она не успела сделать и нескольких шагов, как раздался топот копыт и грубый голос, привыкший командовать, сказал:

– Это тут! Люди видели, что тут появился портал! Берите всех, кто окажется рядом! Идем цепью на расстоянии видимости!

У Амалии сжалось сердце – попалась! Если истрийцы еще слабо знали, что такое портал, то викантийцы были прекрасно осведомлены, что означают молнии среди бела дня, особенно вблизи захваченного города. Истрийцам были знакомы порталы для переноса небольших предметов, и они были доступны только ограниченному кругу магов – магистрам. Викантийцы, а главное, их закулисные, кукловоды-аштарийцы, владели искусством переноса больших масс, таких, как человек, и если отнюдь не все захватчики владели такими же способностями, как Влад, позволявшими держать портал часами, то знаниями о порталах они обладали в полной мере. Судя по тому, что она услышала, кто-то заметил возникновение портала, и отряд всадников отправили на поиски тех, кто был перемещен через него. И скорее всего эти солдаты были подготовлены должным образом – обвешаны амулетами против магического воздействия и физических ударов.

Что же делать? Амалия юркнула под нависающие пушистые лапы ближайшей ели и прижалась к стволу. Она слышала, как переключается поисковая группа. Альтернатива была такова – они или не найдут ее, или же найдут, и тогда ей придется их всех убить. Вероятнее всего второе, но в этом случае в городе начнется переполох, будут хватать всех подозрительных, а значит, осложнится ее задача.

Амалия досадливо сплюнула – ну что стоило открыть портал еще дальше от города, верст за пять? Ну дошла бы уж она... а тут Макобер пожалел ее, открыл портал поближе, чтобы она не шлепала лишние версты по грязи, и вот результат. Она закрыла глаза и постаралась отрезвиться от всего вокруг – так заяц затаивается, когда поблизости рыщет хищник, желающий полакомиться его плотью. Минуты тянулись невыносимо, будто увеличиваясь в размере, растягиваясь подобно конфете-тянучке...

– Ого! А кто тут у нас спрятался? Командир, тут нищенка какая-то под деревом сидит!

– Тащи ее сюда! Сказано же – всех, кого найдем!

– Вылезай давай, старуха! – Перед Амалией возникло лицо мужчины лет тридцати, украшенное татуировками.

По ним она легко определила, что это один из наемников с юга Викантии – живущие там племена отличались силой и невероятной жестокостью. Вся их жизнь была в войне, они презирали стариков, ибо, по их разумению, до седых волос доживают только трусы. Воин должен гибнуть в бою. Обычно из них набирали элитные войска, головорезов для карательных операций, зачистки территорий. Они не щадили никого – ни мужчин, ни женщин.

Амалия осторожно выбралась из-под ели, всем своим видом создавая впечатление немощной, хлипкой старушенции, не представляющей никакой опасности.

Викантиец безжалостно ткнул «старуху» кулаком в спину, подгоняя вперед, и радостно засмеялся:

– Жаль, что ты такая старая и противная! Я давно без бабы, засохну скоро! Хотя, может, и такая сойдет... – Он раздумчиво осмотрел ковыляющую старуху и мотнул головой. Нет бабы –

и это не баба. Грязная, засаленная – еще заразу какую-нибудь подхватишь. Она небось забыла, когда мылась последний раз.

– Ну что, кроме старухи есть кто-нибудь? – крикнул высокий мужчина, одетый в плотную зеленую куртку с многочисленными золотыми украшениями на ней, явно командир. Викарийцы всегда имели слабость к дорогим побрякушкам, поэтому Амалию не удивило обилие цепочек и медальонов на мужчине.

– Только эта нищенка, больше никого, – подтолкнул Амалию татуированный боец. – Мы все осмотрели.

– Нищенка, говоришь?.. – протянул командир, внимательно вглядываясь в испачканное лицо девушки под грязным платком. – Ну-ка, сними с нее платок!

Солдат дернул платок, тот слетел с головы Амалии, открыв коротко стриженные волосы, не имеющие ничего общего с всклокоченными, засаленными патлами нищей старухи. Волосы были черные как вороново крыло и, чисто вымытые, блестели в неярком осеннем солнце.

– Вот какая у нас старуха, – насмешливо сказал командир. – Сомкните ряды, чтобы не удрала, и тащите сюда веревку. Сейчас привяжем ее к лошади, и в город. Пусть Шамасс с ней занимается.

– А может, позабудемся немного, командир? – с надеждой спросил татуированный боец, жадно пожирая глазами чумазое лицо Амалии – даже грязь не могла скрыть ее молодости и красоты. – Я без бабы уже неделю, от нее-то не убудет! Я готов быть вторым – после тебя! Ну разреши!

– Хм... почему бы и нет. Только без увечий! Нам ее надо доставить в целости и сохранности...

Солдаты весело засмеялись, предвкушая развлечение. Амалия видела, как один из них облизнул губы, а из уголка его рта потянулась тонкая нить слюны.

Их было человек двадцать. В общем-то ерунда – какие-то двадцать человек... если бы не амулеты. Они были, конечно, не у всех – дорогая вещица, но у командира точно. И у его подручных. Впрочем, на ней тоже был амулет, и не один, и еще покрупнее их амулетов – Влад сделал ей мощные амулеты из черных алмазов, содержащие огромные запасы Силы и замкнутые на ее регенерацию. Любая рана, нанесенная Амалии, затягивалась в считанные минуты, если, конечно, голова не была отсечена, а тело не изрублено на части.

Один из солдат принес веревки, потянулся к пленнице, и тут она сделала молниеносное движение – из клюки появился серебристый клинок. Это был один из тех клинков, что Влад делал для элитных воинов спецназа и своих приближенных. С острием толщиной в молекулу, невероятно прочный, он перерубал любые вражеские клинки и неизменно оставался острым.

Секущее движение – голова, моргая глазами, полетела под ноги коням. Еще удар – рука татуированного бойца отвалилась, обнажив белые кости плеча. Тело еще не поняло, что умерло, и чернокожий воин с удивлением посмотрел на отвалившуюся конечность – до мозга еще не дошли сигналы боли.

Время как будто замедлило свой бег. Старуха, превратившаяся в прекрасную девушку, внезапно стала смертью, настигавшей каждого, до кого могла дотянуться своим клинком. Амалия вертелась юлой, не обращая внимания на сыпавшиеся на нее удары, и, как косарь в поле, косила ряды противника своим великолепным клинком.

Через минуту на ногах остались только пятеро – командир и его подручные, защищенные амулетами. Они медленно отступали к лошадям, явно намереваясь сбежать. Против Амалии можно было действовать только с несколькими магами и сетью – продемонстрированное ею не оставляло сомнений в том, что результат схватки солдат с демоницей будет однозначным.

– Давай договоримся, – хрипло сказал командир отряда, внимательно следя за мягко крадущейся к ним Амалией. – Мы сейчас уходим, тебя не трогаем, и забыли о встрече. Это всего лишь служба, ничего более.

– А то, что вы хотели меня изнасиловать, тоже служба? – насмешливо спросила Амалия, делая еще два осторожных шага к врагам, отступавшим с мечами на изготовку.

– Ну это же война! Каждая баба на ней – добыча, – примирительно ответил командир. – Кто же знал, что ты бешеная! Можно узнать твоё имя?

– Можно. Вам все равно умирать – почему бы и нет? Я Амалия.

– Амалия?! – Мужчина побледнел. – Знаю. Отпусти нас, Амалия! Клянусь, никому о тебе не скажем!

– Поздно.

Она прыгнула, сделав невыносимый кульбит, и оказалась в центре группы оставшихся в живых солдат.

Первым упал тот, что стоял справа от предводителя, – Амалия молниеносно отогнула ему голову и чиркнула лезвием меча по шее – амулеты защищали только от быстрых ударов, от прикосновений не защищали никак, иначе человек с амулетом не мог бы ничего коснуться. Второй умер со свернутой шеей, третий получил меч между ребер, Амалия проткнула его медленным движением, как будто вдевала нитку в иголку.

Сама она тоже получила пару ранений: меч пробил ей бок, выйдя сзади наискосок и не задев внутренних органов, да кинжалом взрезали плечо – солдаты тоже знали о свойствах амулетов, а трусов у викантийцев не держали. Последним пал предводитель – Амалия вспорола ему живот, глядя в затухающие глаза врага. После секса вторым наслаждением для нее всегда было убийство. А может быть, и первым – секс на втором. Даже установки Влада не смогли изменить ее кровожадную натуру. Впрочем, он и не особо старался – его устраивало иметь у себя за спиной такое опасное, безжалостное и сильное, как пантера, существо. Притом абсолютно преданное хозяину.

С последними смертными судорогами врага Амалия испытала сексуальную разрядку и задержалась в сладострастных спазмах, бессильно опустившись на усыпанную опавшими иголками землю. Ей было хорошо...

Система регенерации в считанные минуты залечила ее раны.

Через полчаса неприметная тихая старушка в драной пуховой шали, повязанной на груди крест-накрест, постукивая клюкой, подошла к воротам столицы. Дежурный солдат на контрольном пункте принял у нее из грязных рук медяк и, брезгливо кинув его в сумку с монетами, кивнул: «Проходи!» Старушка в бесформенных войлочных опорках засеменила за ворота крепости.

Влад сидел откинувшись на мягком кожаном сиденье кареты и сквозь полудрему слушал болтовню баронессы – она несла какую-то чушь о своих родственниках, о том, какие балы они устраивают, как они заботятся о своих крестьянах, дающих хороший приплод и размножающихся, как крысы.

Компания барона и баронессы Некайло совсем не вызывала у него радости, и сидел он тут только потому, что был вынужден соответствовать роли брата барона – в этом качестве его собирались представить графу Раганору.

Влад, который назвался Олегом и принял облик киноактера Олега Видова, проник в замок барона Некайло под видом бродячего артиста, метателя ножей, и захватил разум барона и его жены, полностью подчинив их своей власти. Барон и граф, к которому они сейчас ехали, как и герцог Ламунский, заключили с ящеролюдми соглашение, обязавшись поставлять им продовольствие и необходимые товары в обмен на металлы и, самое главное, золото и драгоценные камни. Кроме того, ящеролюди обязались не трогать людей и скот на территории баронства и графства. Влад долго общался с бароном и баронессой, потом долго обдумывал, как ему наладить систему отношений с бароном Некайло, и наконец решил: все останется как есть, за исключением того, что теперь барон, прежде чем сделать какие-то шаги в политике

или военных действиях, будет советоваться с Владом. Также был подготовлен специальный документ, в котором барон признавался вассалом Влада. По этому договору десять процентов валового дохода отправлялось в замок Савалова, а неофициально, по указанию Влада, половина всего дохода, до тех пор пока в этом не исчезнет необходимость.

Потянулись телеги с металлом, продуктами, тканями и повозки с золотом и драгоценными камнями, охраняемые отрядами тяжеловооруженных бойцов. Все это оседало в подвалах замка Савалова и шло на постройку города вокруг замка, набор новобранцев и перевооружение армии. Нужно было заново отлить пушки, подготовиться к борьбе с захватчиками. У Влада были и другие мысли по этому поводу: если все удачно получится, войны вообще можно избежать, но, как сказано одним из земных политиков, хочешь мира – готовься к войне. Однако вначале нужно было захватить графа Раганора.

Задача была не из легких – еще при жизни герцога Ламунского Раганор, как и барон Некайло, окружил себя охраной из анонимных стрелков и, с тех пор, как Ламунского казнили захватчики страны, безвылазно сидел в своем замке, не принимая никого, даже своих прежних соратников.

Барон по настоянию Влада несколько раз отправлял графу письма с нарочным, требуя немедленной встречи для обсуждения дальнейших совместных действий и намекая, что располагает какими-то важными сведениями, совершенно необходимыми для графа. Сведения и правда были – например о том, что пора бы графу перестать дурить и стать вассалом Влада, – но об этом барон прозорливо помалкивал.

Влад выяснил, что граф живет один, ему около пятидесяти лет. Детей у него нет – есть только дальние родственники, двоюродные и троюродные братья, которые спят и видят, как граф откинет свои золоченые копыта и отправится в мир иной, оставив им громадное – второе по значимости после Ламунского – состояние. Граф не желал оказывать им такой любезности и заперся у себя в замке, выпивая и пропуская через свою постель всех мало-мальски симпатичных слуганок.

Кстати сказать, во избежание покушений служанки тоже не выпускались из стен замка. Фактически граф жил как на космическом корабле или в тюрьме – доступа к нему не было, и он, если бы не знал так хорошо Некайло и его супругу, вряд ли согласился бы их принять.

Принять их он согласился скорее всего не потому, что они придерживались одних и тех же политических взглядов, и не потому, что Некайло был его соратником в гражданской войне, когда Ламунский пытался захватить трон империи Истрия. Все гораздо проще и банальнее – граф Раганор и барон Некайло приятельствовали с давних пор, с того времени, когда они еще бывали при дворе. Граф прекрасно знал о том, насколько распутны оба – барон и баронесса, и частенько они развлекались втроем.

Это все Влад прочел в мозгу у барона и баронессы, когда занимался их зомбированием, а позже они сами подтвердили этот факт во время многочасовых бесед с магом, когда тот выуживал у них информацию. Фактически графу Раганору было скучно и тоскливо взаперти, и он решил разнообразить свою половую жизнь, приняв в холостяцкую постель двух родовитых извращенцев.

Влада ситуация устраивала вполне, через этих двух людей он собирался подобраться к графу. Ему было необходимо подобраться так близко, чтобы он мог погрузить графа в транс, – то есть на расстояние вытянутой руки.

Ехать до замка графа нужно было четыре дня, и маг чувствовал, что эти четыре дня превратятся в пытку, – он не мог выносить болтовню баронессы более часа подряд. Хуже всего было то, что она не оставляла попыток его соблазнить – как бы невзначай трогала за колено, подсаживалась к нему, прижимаясь бедром, доставала с полки наверху какой-нибудь надушенный платочек, касаясь при этом щеки Влада упругим бюстом.

Справедливости ради нужно отметить, что бюст у баронессы был вполне упругий и соблазнительный, однако Влада как-то не тянуло кувыраться с этой женщиной, хотя и вполне сохранившейся для своих тридцати пяти лет, но слишком уж бесстыдно его домогавшейся, да еще и на глазах у сидящего рядом мужа. Влад ничего не имел против секса с замужними женщинами, но только не в присутствии мужа-бисексуала. Впрочем, и это было неважно – на безрыбье и рак рыба, и эта дама бы пригодилась, но в повозке сзади ехала цирковая труппа, четыре девушки и парень, две девушки были любовницами Влада, и почти все время, что жил в замке Некайло, он проводил с ними.

Сестрам Арине и Марке было около двадцати, великолепные спортсменки, красавицы и просто хорошие, веселые девицы, с ними можно было поговорить о чем угодно. Владу пришлось прожить в замке барона Некайло четыре недели, дожидаясь, когда дороги схватит морозом и можно будет отправиться в путь, так что знакомство с акробатками очень даже скрашивало его досуг.

Влад в очередной раз приоткрыл глаза, посмотрел на воркующую баронессу и сказал:

– Остановите карету.

Барон два раза стукнул тростью с резным золоченым набалдашником в стену кареты, повозка качнулась, замедлила ход и наконец остановилась. Барон вовсе даже не был хромым – трость была скорее символом власти, а еще использовалась как сигнальное устройство, вот как сейчас.

Влад со вздохом встал со своего места и равнодушно обронил:

– Пойду в повозку к комедиантам. Мне поговорить с ними нужно. Когда будет постоянный двор?

– К вечеру доедем, – благожелательно ответил барон, всем своим видом показывая, что он готов на любые услуги своему божеству – Владу. Ну совсем на любые!

От этого Владу стало еще тошнее, и, распахнув дверцу кареты, маг вывалился на свежий воздух.

После кареты, где стояла жаровня с углями, на которую баронесса время от времени бросала благовония, воздух показался обжигающе холодным. Влад полной грудью вдохнул запахи хвои и прелых осенних листьев.

Он всегда любил осень – ее запахи, красоту умирающей листвы... вот только эта пора навевала на него какую-то грусть. Впереди долгая зима, и до весны, которую он очень любил, было далеко. Год в этом мире был гораздо продолжительнее, чем на Земле, а потому все времена года тянулись тоже гораздо дольше. Впрочем, грех жаловаться – ведь и весна была длиннее.

К Владу поспешно подъехал верховой – старший стражник и встревоженно спросил:

– Что случилось, господин Олег? У вас все в порядке? Почему остановка?

– Все нормально, Сагрин, просто я хочу поехать в повозке с циркачками, мне так веселее.

Стражник понимающе улыбнулся, кивнул и поскакал дальше вдоль каравана, состоящего из пяти повозок. В карете ехали барон и баронесса, в повозке комедиантов, соответственно, комедианты, а остальные повозки занимали вещи хозяев, припасы в дорогу и прислуга, которая должна была обеспечить комфортное существование барона и баронессы во время долгого пути.

Повозка комедиантов изменилась с тех пор, как ее видел Влад, – тогда она была убогой, обшарпанной, все картинки на ней представляли собой жалкое зрелище, как и те люди, что толкали ее, вытаскивая из непролазной грязи. Теперь же повозка была полностью перестроена, сияла свежей краской, над ее крышей клубился дымок – внутри стояла небольшая печка, согревающая во время путешествия.

На облучке сидел Борин, одетый в теплый тулуп и валенки, и весело шурился на Влада, разминающего конечности возле кареты барона.

– Что, надоело со стариками? Потянуло на молоденьких? – весело усмехнулся он. – Иди, они там соскучились без тебя!

– Ну не такие уж и старики, – усмехнулся маг. – Баронесса еще о-го-го, огонь-женщина! Не принижай ее достоинств! И вообще, – добавил он, понизив голос, – меньше болтай, а то останешься без причиндалов, дамы не любят, когда напоминают об их возрасте. Баронесса прикажет – быстро тебе твое хозяйство под корешок отрежут!

– Да-а-а? – увял Борин. – Точно, когда-нибудь язык доведет меня до беды. Полезай в фургон, девчонки и вправду тебя заждались!

Влад открыл дверцу фургона и ввалился в теплое нутро. Тут было тепло, даже жарко, свет проникал сквозь маленькие окошки под самым потолком, а пол был застелен толстым ковром из выделанных шелковистых бараньих шкур.

– Попался! – Влада схватили четыре пары не по-женски крепких рук, и девушки с визгом попытались повалить его на ковер.

Им бы это не удалось, маг был невероятно силен, но он поддался и со смехом повалился на пол, уступая разгоряченным подругам. Они были полураздеты, только в легких рубашках, на мужской манер, широких полотняных штанах и босиком – соответственно температуре в фургоне. С Влада тут же стащили верхнюю одежду, и он тоже остался в одной нижней рубашке и легких штанах. Шаловливые руки, войдя в раж, попытались стащить и их, но он решительно воспротивился агрессии, сохранив остатки одежды и мужской независимости.

– Так, ну-ка прекратили! – шутливо прикрикнул он. – Распустились тут! Скоро голышом будете по фургону скакать! Что люди скажут!

– Голышом? А что, это идея... – низким голосом протянула Арина и стащила с себя рубашку, оставшись по пояс голой. Она подбоченилась, и ее крепкие груди вызывающе уткнулись в лицо Влада. – Так пойдет?

– Надень рубашку! – внезапно охрипшим голосом сказал Влад. – А то я сейчас не выдержу и прямо тут тебя и оприходую, бесстыжая ты комедиантка!

– А и оприходуй! – зазывно покачала грудями Арина. – Что, этих завистливых поганок стесняешься? Да они и не такое видали. Только и ждут повода, чтобы до тебя дорваться! Устроим тут небольшой междусобойчик! А что, это мысль!

– Нет уж, – окончательно сбросил наваждение Влад, – мало ли чего в дороге случится, а мы тут с голыми задами скачем. Дорога есть дорога. Забавно мы будем выглядеть, когда на нас нападут разбойники, – с голыми задницами-то...

– Ладно, – разочарованно вздохнула Арина, – вечером оторвемся по полной. Выпить хочешь? Мы тут бутылочку уже высосали!

– Ах вон чего вы раздухарились-то! Пьянство творите!

– Ну и творим, – вызывающе сказала Арина, натягивая рубашку, – делать-то все равно нечего. Скучно. Ты там с этими Некайло болтаешься, а ехать еще долго – чего не повеселиться-то? Лучше расскажи чего-нибудь веселенькое, интересное. Например – что это барон и баронесса так тебя вдруг залюбили, что признали троюродным братом барона? Ты и вправду дворянин?

– Хм... знаешь что, – жестко сказал Влад, – я уже тебе говорил и остальным скажу: меньше знаете – крепче спите. Более того, имеете шанс сохранить голову на плечах. Будете языком трепать – можете сразу лишиться головы и с ней языка. Вот как это вам довести до ума-то?

– Да ладно... я так просто спросила, – ухмыльнулась Арина, – интересно же. Нельзя так нельзя. И не болтаем мы – мы же в своем кругу разговариваем, чужих тут нет. Девчонки – они ко всему уже привычны. Они свои. Никогда не разболтают. Мы, комедианты, как шпионы или солдаты, между собой что угодно говорим, а врагу ни-ни...

– Вы-то, может, и не сболтнете, а если подслушают? И у стен уши есть!

– Да-а-а? Марка, ты там ближе к стене, погляди, есть там уши или нет?

Марка прыснула, полезла к стене через Грину и упала на Шаван, та ее ущипнула за зад, Марка взвизгнула, ущипнула Грину, та тоже заорала, и началась куча-мала. Девчонки визжали, гонялись друг за другом по фургону, он раскачивался, и Борин, не выдержав, снаружи постучал в стену и закричал:

– Вы чего там, обалдели, что ли? Свальным грехом занимаетесь? Заездите Олега до смерти!

Влад откинулся на подушки у одной из стен и, прижав к себе Арину, с усмешкой следил за перемещениями девчонок. Наконец они утомонились и, тяжело дыша, рухнули на пол.

– Все! Хватит! – улыбаясь, сказала Арина. – Побесились и достаточно! Давайте-ка напоите Олега чаем с печеньем, чтобы у него сил на вечер хватило! У меня на него большие вечерние планы.

– И не только у тебя, – подмигнула сестре Марка. – Забыла об уговоре?

– Не забыла! – недовольно бросила Арина. – С тобой забудешь!

– То-то же, – удовлетворенно улыбнулась Марка и полезла в передний конец фургона, где находилась небольшая кухонька. Она достала из коробки фарфоровые чашки, любовно переложенные белыми льняными тряпицами, и стала наливать в них кипяток из медного чайника, стоящего на печурке.

– Хорошо, правда? – Арина запрокинула голову, лежащую на животе у Влада, и поймала его взгляд. – Жаль, что все хорошее когда-нибудь кончается. Тепло, сытно, мужчина рядом, деньги есть – чего еще желать? Только хорошего дома...

– Да тебе и на дом хватит, – тихо заметил Влад. – Деньги же получила? На них ты себе хороший особняк в столице купишь!

– Ага. А потом придут викантийцы, деньги отберут, особняк сожгут. А нас в очередной раз отдадут позабавиться роте грязных немытых скотов-наемников. Деньги хорошо, дом хорошо. А безопасность? Кто ее даст?

– Ну а кто мешает тебе остаться в замке с бароном и баронессой? Гарантию тебе даю – они будут о вас заботиться, пылинки сдувать. Какие проблемы? Живи себе и живи.

– Верю тебе, – вздохнула Арина, – только ты как это себе представляешь – мы всю жизнь с этими придурками? Да мы от тоски сдохнем в этом замке! Нет уж... хорошо бы в столице жить... или в Лазутине – но там викантийцы. Вообще, пока они здесь, жизни никакой не будет. Ни с деньгами, ни без них. И на дороге опасно, и в доме опасно, и даже в замке.

– Подожди немного, – задумчиво пробормотал себе под нос Влад, – разберемся мы с этими викантийцами.

– Кто это мы? – Арина остро взглянула на него. – Олег, ты состоишь из одних тайн...

– Когда-нибудь ты их узнаешь. Что же касается вашей судьбы – есть у меня одна мысль... как только завершим это путешествие к графу, я тебе ее озвучу. Вот тогда и узнаешь, кто я и что я.

– Многообещающее заявление, – хмыкнула Арина. – Только не говори, что ты брат императора и вообще властелин мира!

Влад лишь улыбнулся, а Арина зажала рот рукой и негромко вскрикнула:

– О нет! Не может быть! Пойдем-ка лучше пить чай, а то мне в голову такое лезет!

Они поднялись с ковра и прошли к столику, за которым уже сидели девчонки и, шумно дую в чашки, прихлебывали горячую зеленоватую жидкость. Тут предпочитали зеленый чай, частенько смешанный с различными полевыми и лесными травами. Владу тоже нравился зеленый чай, но он больше любил пить чай с лимоном. Увы, лимона не было, но сахар и печенье наличествовали в нужном объеме.

– Как это вы не толстеете? – буркнул Влад, усаживаясь на складной деревянный стул и беря тонкого фарфора чашку. – Столько печенья лопаете – тут и худой станет толстяком!

– А ты поскачи по сцене с наше, тоже небось не растолстеешь, – улыбнулась Марка. – Впрочем, ты и так не толстеешь, хотя лопаешь в любое время дня и ночи! Вот как ты не толстеешь?

– Да кто знает, не толстею, и все тут... – меланхолично заметил Влад, размышляя над тем, о чем говорил с Ариной.

И ведь правду она говорила – если оставить девчонок одних, их точно кто-нибудь обидит, ограбит, изнасилует. А то и убьет. Деньги у них были слишком серьезные – тридцать тысяч, только за горстку из этой суммы любой бандит глотку перережет, а тут целое состояние. Когда он разговаривал с Ариной, ему пришло в голову, что здорово было бы свести их с Амалией – они точно нашли бы общий язык, что может быть лучше бродячих комедиантов, не вызывающих никаких подозрений, в деле рыцарей плаща и кинжала.

«А если их тела модифицировать... им цены не будет. Вот только захотят ли они этого? Можно было бы взять на время у них деньги, сохранить в замке Саваловых – туда точно никакие бандиты и близко не сунутся... да что бандиты, и регулярные войска сто раз подумают, чтобы туда полезть. Закончится путешествие к графу – поговорю с Ариной, раскроюсь ей, пусть сами принимают решение. В любом случае – можно предложить им или пожить в замке, или же построить дом рядом с ним. Пока вся эта заваруха с оккупацией не закончится...» – думал Влад.

Он отхлебнул глоток пахучего чая, приправленного чабрецом, и вдруг его тонкий слух уловил крики и звон металла. Нападение! На караван напали!

Подхватив куртку, Влад натянул короткие кожаные сапожки и бросился к двери фургона.

Потерять барона с баронессой, когда все так хорошо складывается, было бы очень обидно.

Глава 2

Выскочив из фургона, Влад некоторое время не мог ничего понять. Группа вооруженных людей, сразу и не сосчитаешь, может, человек тридцать, может, сорок – крепко надели на охрану барона Некайло. Охраны было вдвое меньше, но надо отдать им должное – обступив карету с хозяевами, охранники отчаянно дрались, звеня клинками и вертясь на конях, как на горячей сковороде.

Клинки сверкали в лучах осеннего солнца, взблескивая как молнии, и на глазах у мага двое защитников пали, обливаясь кровью. Лошадь одного из них с громким ржанием поскакала в сторону, раненная в ляжку, волоча застрявшего в стремях всадника – то ли живого, то ли мертвого. Кучер барона лежал мертвый под колесами кареты, а один из нападавших, занявший его место, пытался подобрать вожжи и угнать карету в сторону от тракта.

Как всегда в критических ситуациях, мозг Влада переключился на боевой режим – люди двигались медленно-медленно...

Вот один бандит повернулся и показал рукой на мага, выскочившего из фургона. Его слова, вылетевшие из обрамленного усами и бородой рта, Влад воспринял как какое-то низкое-низкое рычание, даже сразу и не разобрать, что он сказал. По ситуации было ясно, что это что-то вроде: «Убейте этого!»

Несколько всадников устремились к магу, стоявшему на морозном ветерке в одной рубашке и полотняных штанах. Он не чувствовал холода, его мозг был занят оценкой ситуации – за эту секунду целый ворох размышлений и умозаключений проскочил в его голове, как будто работал суперкомпьютер: «Это не бандиты. Хорошо одеты, вооружены примерно одним и тем же оружием. Не нападают на обоз, а сосредоточились на карете с бароном и баронессой, – бандиты в первую очередь выпотрошили бы повозки с барахлом. Вывод: это нападение имеет целью захват или убийство барона. По большому счету мне плевать на этих извращенцев, однако без них мои планы рухнут, а посему – нападающим не жить. Чем бить? Руками или магией? Пока я буду отворачивать им головы, они отвернут голову барону – вон в дверцы кареты уже полезли. Вперед!»

Влад с ходу врезал воздушным кулаком по скачущим на него всадникам, и их смело как метлой. Жалобно заржала раненая лошадь, и у Влада испортилось настроение – бандитов ему не было жалко, а вот лошадей... они за что страдают? Еще удар – намеревавшийся влезть в карету разбойник с криком пролетел по воздуху и врезался в соседнюю сосну, захрустев ребрами, оставив под ней лужу крови. Влад расширил фронт удара воздушного кулака и, выбрав группу противника, атаковал, стараясь не зацепить охранников барона. Нападавшие вначале не понимали, что происходит, и по инерции продолжали насккивать на охранников, а двое снова поскакали на легко одетого парня, выскочившего из фургона.

Со стороны, наверное, это виделось так: стоит некий прощелыга и с интересом наблюдает за дракой, а что дерущиеся почему-то разлетаются в стороны – какое отношение это имеет к данному индивидууму? Нет никаких молний, искр и огня – просто поднимаются в воздух бойцы и расплющиваются о деревья. Только вот раздражает этот хлыщ – а не отрубить ли ему голову? Поскакали!

Влад встретил их мощным ударом воздушного топора – он сплющил кулак в подобие огромного лезвия, и до него доскакали лишь половинки всадников, активно фонтанирующие кровью. Отпрыгнув в сторону, чтобы кони его не сшибли, маг направился к месту основной схватки и стал методично выбивать всадников из седел, действуя аккуратно и ювелирно-точно, стараясь не задеть своих бойцов. Только когда нападавших осталось меньше четверти, они наконец сообразили, что происходит непонятное, и бросились наутек.

Уйти им Влад не дал. Последние восемь человек были сметены ударом в спину и полетели по земле, как сбитые шаром кегли. Сила толчка была такова, что люди кувыркались до тех пор, пока их не останавливало какое-нибудь дерево. В живых после этого вряд ли кто остался, а тем более тот бандит, которого пробило сухой веткой дуба, стоявшего на обочине тракта, от ключицы до зада. Он повис на дереве будто жук, наколотый на иглу.

Маг осмотрелся. Битва закончилась – из защитников барона в живых осталось меньше половины. Количественный перевес нападавших был слишком велик, так что и потери защитников тоже были значительные.

К Владу подскакал командир охраны – он остался жив и даже невредим, – соскочил с коня и с почтением спросил:

– Это же вы устроили, господин Олег? Я не знаю, как вы это сделали, но спасибо вам, вы нас спасли.

– Раненые есть? – не отвечая на вопрос, спросил Влад. – Я имею в виду, наши раненые. Впрочем... кто-нибудь из нападавших остался в живых? Кто это вообще такие были? Это же не бандиты?

– Нет, не бандиты, – угрюмо ответил охранник. – Я узнал их главного. Это был один из людей племянника барона, Армура.

– А какого демона они на нас напали? В чем дело?

– Видимо, хотел прибрать к рукам дядюшкин капитал. Барона с баронессой на тот свет, а он самый первый наследник. Я слыхал, дела у него не шибко хорошо идут. Да и как они хорошо пойдут, когда вместо заботы о своем поместье, о своих землях сплошные кутежи, разврат, пьянство и рыцарские турниры. Начитался рыцарских романов в детстве, а после того, как папаша, брат барона, помер, будто с цепи сорвался. Вот так и прокутил состояние. Крестьяне от него бегут – впали в полную в нищету. Он выгребает у них все запасы, перепортил их дочерей и жен – тех, что покрасивее... ну и кто у него будет жить? Большая часть его крестьян сбежала на земли Влада. Ну вот и результат его беспутства – докатился до убийства дяди с тетей! Ну да демон с ним. А вы чего про раненых спросили? Неужто лечить можете? И чего это я про Армура распинался – вы же лучше меня его знаете... вы же тоже родственник барона.

– Могу. Только давай договоримся с тобой, Сагрин: ты молчишь о том, что случилось, и о том, что сейчас будет. По крайней мере, до тех пор пока я не разрешу. Начнете болтать в поместье у графа – лично головы оторву. И это не пустые слова. – Влад жестко посмотрел на охранника, сразу побледневшего и вытянувшегося перед ним так, как он не вытягивался даже перед самим бароном.

– Вы можете поотрывать, это точно, – кивнул Сагрин. – Обещаю, что все наши будут молчать... сколько смогут. – Он усмехнулся. – Зачем мне вам врать? За себя я могу ручаться, а за них, если выпьют... в общем, что смогу – сделаю. И обслугу предупрежу. Да они, скорее всего, и не поняли, что случилось.

– Расскажи им вот что: появился неизвестный мужчина в темном плаще, маг, и перебил всех грабителей. Это были грабители, ты понял, да? Не надо никому знать про Армура... мы им потом займемся. А теперь веди меня к раненым.

Сагрин поспешил к лежащим на земле трем парням – у одного была разрублена ключица и задето легкое, и он теперь умирал, истекая кровью. Двое других были ранены не так тяжело, но тоже изрядно поранены.

Влад тут же занялся ключицей – через десять минут от раны не осталось и следа. Параллельно – на всякий случай – внедрил парню в мозг установку верности ему, Владу. То же самое он проделал и с другими двумя охранниками.

Поднявшись с колен, маг пошел к карете. Дверца была заперта, он постучал в нее, но никто не откликнулся – как будто все умерли.

Влад усмехнулся и подал голос:

– Откройте, это я! Все закончилось!

– Это ты? – В карете зашуршало, и из-за приоткрывшейся дверцы выглянуло смазливое личико баронессы. – Разбойники ушли?

– Ушли. На тот свет. Вы в порядке? Как там барон?

– Я в порядке! – Барон тоже выглянул из кареты. – Кто это был? Чего они хотели?

– Племянничек ваш, Армур. Желал вашего перехода в мир иной.

– Вот сучонок! – побагровел барон. – Я ему башку снесу!

– Только после того, как я разрешу, – холодно заметил Влад. – Вначале мы займемся графом, ну а потом можете делать с вашим племянником все, что захотите. Хоть на кол посадите.

– Так и сделаю! – оживился барон. – Дорогая, посадим Армура на кол?

– А что, все какое-то развлечение! – обрадовалась баронесса и порозовела от предвкушения. – Только перед этим надо раздеть его догола! Пусть...

Влад не стал выслушивать эротико-палаческие фантазии баронессы, с чувством омерзения отвернулся и скомандовал Сагрину, что-то втолковывающему группе охранников:

– Посади кого-нибудь на облучок кареты! И соберите трофеи – оружие и коней. Все ценности, что найдете, ваши. Убитых врагов бросьте на месте. наших бойцов соберите и сложите в повозку или на лошадей, потом похороним.

Сагрин, как будто всю жизнь подчинялся Владу, кинулся выполнять распоряжение, и закипела работа. Довольные стражники вычищали карманы и кошельки убитых врагов, ловили их лошадей, привязывая их позади повозок. Затем настал печальный момент – собрали всех убитых бойцов и привязали к лошадям.

Влад этого уже не видел – не дожидаясь окончания работ, он прошел в повозку комедиантов и с облегчением улегся на мягкие шкуры. Маг хорошо потрудились. Разве он не заслужил отдыха?

Марьяна вышла из избы – там было душно и темно. Крестьянские избы не отличались комфортом, в основном это были полуземлянки, вросшие в землю. Главное их достоинство состояло в том, что они хорошо держали тепло, а это немаловажно в условиях долгой и холодной северной зимы. Марьяну всегда удивляло – почему крестьяне не строят вместо землянок добротные бревенчатые дома? Но, поразмыслив, она пришла к выводу, что при крепостном праве это невыгодно. Строишь-строишь, а завтра хозяин продаст семью какому-нибудь другому рабовладельцу, и в твой дом заселится кто-нибудь из соседей, а тогда зачем вся эта стройка?

Следом вышла Марина:

– Ну что они там? Марьян, придется по хатам идти. Они сейчас попрячут детей, и мы никого не найдем!

– Похоже, придется. Глянь, они со всей деревни в сто дворов нам выставили двадцать детей! И это при семьях в десять – двенадцать человек! Старосту надо за бороду брать!

Марьяна рассердилась не на шутку, увидев этих крестьянских детей, – выбрали самых убогих, кривых, хромых, увечных. Магиня направилась к большой бревенчатой избе, где жил староста деревни, и, решительно протопав по крыльцу, ударом ноги распахнула входную дверь.

– Ты что, борода распутная, издеваться вздумал? Ты чего нам выставил? Ты каких детей нам дал, гадина? Ну-ка иди посмотри на них!

Она схватила чинно обедающего старосту за шкурку и, не обращая внимания на его вопли, поволокла к двери. Его зад прогремел по деревянным ступеням, и мужик полетел в замерзшую лужу, проехался по ней спиной и остановился, уткнувшись в смерзшуюся коровью лепеху. Староста с ужасом тарашился на разъяренную магиню и только тихонько подвывал.

– Быстро встал и пошел к тем детям, которых ты приготовил для нас! Давай-давай, пошевеливайся! – Марьяна, не дожидаясь, когда староста встанет, пошла к детям, топчущимся возле колодца на деревенской площади.

Староста притаился через несколько минут, уже в треухе и тулупе, накинутом на плечи домочадцами. Марьяна остыла после вспышки и оставила свои кровожадные мысли о том, что хорошо бы мужика утопить в колодце – чтобы другим неповадно было.

– Смотри, болван! Вы чего нам все отбросы собрали? Где остальные дети? Где неженатые и незамужние парни и девушки?

– Не губи, госпожа! – Староста бросился ей в ноги. – Вот эти убогие, им все равно жить да мучиться, а молодых и здоровых зачем убивать?

– Ты чего, с дуба рухнул, старый? – опешила Марьяна, растерянно переглянувшись с Мариной. – С чего это ты решил, что мы собираемся их убивать?

– Ну как, все знают, что вы будете откупаться от ящеров подземелий, чтобы они не трогали других людей! Все знают, что вы с ними договорились, что людей им дадите для еды!

– Вон оно что... – задумчиво протянула Марьяна. – Значит, для этого ты этих детишек собрал? Ну ты и скотина... Прибить тебя, что ли?.. Да ладно, живи, гадина. Рассказываю для дураков: дети нам нужны для того, чтобы выявить среди них тех, кто обладает магическими способностями! Никто никого убивать не собирается! Они пойдут в магическую школу и там станут магами, лекарями, боевыми магами! И нам нужно много магов, так что нужны все люди, что у вас есть, чтобы выявить способных! Тех, кто женат или замужем, брать не будем! Собирай сюда всех, кто есть, и не вздумай хитрить – узнаю, что кого-то скрыл, повешу тебя самого! Больше тебе скажу: те, кого мы заберем, сразу получают вольную, будут работать по контракту за жалованье. Бегом исполняй!

Староста затравленно посмотрел на магичек и побежал по избам собирать народ. Марьяна пожала плечами:

– Вот скажи, Марин, откуда у них такие сведения? Кто это дерьмо придумал? Дикость какая!

– Кто-кто... темнота, крестьяне, что ты от них хотела? Забыла, какие они? Ты же возле них сколько лет прожила! Кто-то придумал, брякнул, остальные подхватили страшилку – вот и понеслось! Кстати, а что с этими убогими будем делать? Им все равно жизни в деревне нет...

– Заберем с собой. Сделаем им нормальные тела, воспитаем из них нормальных людей. Учиться посадим. Не магами, так ремесленниками будут или воинами. Воспитаем в преданности и верности стране.

– Владу, ты имеешь в виду? – усмехнулась Марина.

– А и Владу, да. А ты что, против?

– Как я могу быть против – с ума сошла? Само собой, за. Слушай, насчет Влада... может, на него пора корону императора надеть? Надо с ним поговорить. Тогда было бы проще собирать вокруг себя сторонников.

– Я с ним пыталась говорить по этому поводу, он только отмахивается. Говорит – не до того, да и неохота ему императорствовать. Это же на самом деле не особенно сладко – определенные рамки, правила, законы, – а он терпеть не может никаких рамок и клеток.

– Кстати, а ты давно с ним связывалась? Он как улетел к Некайло, так и нет его. Тарлов с Бориславом замки соседей громят, а о нем не слыхать ничего.

– Он время от времени связывается со мной, шлет письма, иногда ночью связывается мысленно – менталистка я слабоватая, потому только во сне могу с ним поговорить, и то недолго. Говорит – едет к графу Раганору, а это очень важно. Все с ящеролюдью улаживает. Говорит, с ним все нормально.

– Это хорошо. Скучаешь по нему?

– Скучаю. А что поделаешь? Мужчины, они такие – летают туда-сюда, мечутся... а жизнь проходит. Ты знаешь, Марин, хочу семью. Хочу свой дом, постоянного мужчину, который не улетает куда угодно спасать мир.

– Ну-ну... мечтай. – Марина пожала плечами и посмотрела направо. – Вон наконец-то староста гонит к нам толпу претендентов. Займемся-ка делом. Война закончится, тогда и будем улаживать личные дела.

– Да, ты права... чего-то я расслабилась. Не до того сейчас.

Марьяна встряхнулась и пошла навстречу группе молодых крестьян.

Столица встретила Амалию знакомым запахом помоев, а еще – гари. Прошло слишком мало времени, чтобы исчезли последствия штурма. Стены кое-где были побиты камнями из камнеметательных машин, некоторые дома так и стояли сгоревшими, чернея остовами под осенним дождем.

Девушка поежилась – ей пришлось наскоро прополоснуть окровавленную верхнюю одежду в ручье возле того места, где она разгромила отряд, отправленный на ее поимку. Кровь смылась, но одежда промокла, и теперь холодный ветерок пронизывал до костей.

Прохожие без интереса смотрели на нищенку. По большому счету их одежда мало чем отличалась от тряпья этой убогой – только почище да чуть поновее. Амалии показалось, что горожане стали значительно хуже одеваться, и вообще в городе царила атмосфера страха – прохожие боязливо жались к стенам домов. Во времена правления императора Истрии горожане были нагловатыми, шумными и скандальными. Нынешние же молчком скользили по мостовым, украдкой оглядываясь, как будто готовые нырнуть в ближайшую подворотню при малейшем шуме.

Девушка инстинктивно сразу же переняла их способ передвигаться и существовать в этом новом мире – так же жалась к стенам, так же торопливо семенила и искоса поглядывала по сторонам.

Первой ее целью была лавка сапожника на углу базарной площади. Увы, здесь ее ждала неудача – вместо лавки чернело пятно, в центре которого лежала куча кирпичей и недогоревшие концы бревен. Внимательно осмотревшись, Амалия заметила, что в ряду лавок и мастерских, как дырки на месте зубов, зияют пустоты – вместо домов успешных торговцев и мастеровых. Она хотела было зайти в соседний дом – насколько Амалия помнила, там жил портной и располагалась хорошая пошивочная мастерская, – но передумала. Ставни мастерской закрыты, как будто люди забаррикадировались внутри дома.

Амалия отправилась в порт – благо что он находился недалеко от базарной площади, чуть ниже по кривой улице, именуемой, как ни странно, Портовой. В порту было злчное заведение, хозяин которого был связан с местными бандитами и промышлял продажей награбленного и краденного.

Амалия, когда Влад дал ей задание вычислить лидеров организованной преступности в городе, сразу вышла на этого портового барыгу, и болтаться бы ему на городской виселице, если бы он не пошел на вербовку. За то, что он поставлял сведения о происходящем в преступном мире, да и вообще в городских трущобах, его и не трогали. Это был один из основных агентов Амалии, звали его Гарсан, кличка же у него была Паук. Фактически это был один из главарей преступного подполья, отличающийся от своих подельников изворотливым умом, фантазией и деловыми качествами. Если кто и выжил в этом изменившемся городе, так это он. По крайней мере, Амалия на это надеялась.

Дорога в порт заняла минут двадцать – кривая улица тянулась, петляя из стороны в сторону, ветвилась узкими темными переулками, заканчивающимися тупиками или переходящими в сеть других переулков. Как помнила девушка, выход из некоторых переулков был через подвалы хибар, стоящих вдоль этих узких помоечных улочек, – заходишь в дом, и, если ты

своей, тебя выпускали через специальный лаз на соседнюю улицу. Когда делали облавы на уголовных авторитетов, приходилось учитывать эту особенность здешних трущоб – Амалия сделала так, что никто не ушел. Остались лишь те, кто был нужен спецслужбам. Да это и не ново – всегда, во все времена и во всех мирах организованная преступность контролировалась спецслужбами. Хотели бы извести – извели бы за считанные месяцы. Значит, это не нужно.

Трущобы тоже потерпели ущерб – многие дома сгорели, некоторые как будто просели внутрь, обвалившись крышей. Девушка даже удивилась: ведь прошло совсем немного времени – как эти жилища могли прийти в столь ветхое состояние? Впрочем, сделаны они из фанеры, разнокалиберных досок, земли, строительного мусора и камышей – где уж тут противостоять непогоде и времени? Даже крестьянские дома, полуземлянки и то в сравнении с этими халупами казались дворцами. За мутными маленькими окошками, затянутыми то ли бычьими пузырями, то ли кусочками украденного низкокачественного стекла, двигались тени, виднелись какие-то огоньки – трущобы жили.

Амалии все время казалось, что кто-то смотрит ей вслед, – она оборачивалась, осторожно прислушиваясь, но никого не видела. В конце концов она подумала, что это сами трущобы, как многоголовый демон, следят за ней, почуяв чужого, пришельца, и только и ждут момента, чтобы ударить в спину. Давать такую возможность трущобам она не собиралась, а потому была предельно осторожна и готова к любому проявлению агрессии и насилия. Что может быть лучше беззащитной жертвы в виде хромой старушки? Наверняка у нее есть пара медяков, а жизнь такого убогого существа не стоит и одного медяка – по мнению большинства обитателей этих «фавел».

Слава богам, трактир «Черный парус» стоял на месте. Ставни были плотно закрыты, двери тоже, но сквозь тонкие щели пробивался свет, а из трубы шел дым. За ставнями слышались пьяные голоса, звенели струны и хрипло смеялись завсегдатаи этого заведения. «Черный парус» был местом встреч разбойников и воров, наводнявших, как и везде, припортовые зоны и рынки города.

У Амалии не было готового плана действий. Если войти через центральный вход, она сразу обратит на себя внимание – такие грязные старушонки не сидят в залах трактиров и не общаются с главарями бандитов. С черного хода? То же самое, что заявить: «Я пришла встретиться с Пауком!» Вот посмеются... ну да, она их расшвыряет, раскроет себя, и что? Ей нужен этот шум? Совсем не нужен! А значит, что? Значит, надо думать...

Девушка огляделась по сторонам и, заметив скамейку под деревом у одной из хибар, посеменила к ней и уселась, зажав клюку между ног. Было довольно светло, и только хмурые тучи затемняли мир, создавая впечатление наступившего вечернего сумрака. Улицы казались вымершими, а редкие прохожие неслись так, будто за ними гнались все демоны мира.

Интересно, на какие деньги в этом трактире гуляют? Порт практически не работал – после захвата его викантийцами там осталось совсем мало целых строений, а корабли купцов теперь обходят столичный порт далеко стороной. Проедают старые запасы? Грабят оставшихся жителей? Скорее всего.

По улице промаршировал взвод викантийцев – несколько десятков человек, ошестинившихся оружием, в железных доспехах. Они кутались в какие-то накидки и выглядели столь грозно, сколь и смешно – климат столицы, гораздо более мягкий, чем климат севера Истрии, все-таки был слишком холодным для них, истых южан. Амалия отметила, что солдаты прошли мимо «Черного паруса», как будто его и не существовало. Вряд ли они посещают трактиры, в которых заправляют местные, – там им как минимум в тарелку плюнут, а как максимум – толченого стекла или яду подсыпят. Кому это надо?

Понаблюдав за трактиром около часа, Амалия заметила пятерых девиц, вызывающе ярко одетых и сильно накрашенных, что не оставляло сомнений в их профессиональной принадлежности. Они постучали в дверь трактира условным стуком, который Амалия, обладавшая

тонким слухом, уловила совершенно отчетливо. И запомнила. Дверь открылась, и стайка девиц впорхнула внутрь, исчезнув, как облачко дыма над лесом под осенним ветерком.

Решение было найдено, и Амалия покинула скамейку, отправившись на поиски нужного объекта. Минут через десять она свернула в один из переулков – довольно чистый и ухоженный, во всяком случае, здесь не наблюдалось груд мусора и луж с содержимым ночных горшков. Это был Платяной переулок, где одевались и обувались обитатели «фавел», в том числе и «ночные бабочки». Амалия остановилась у лавки под вывеской с улыбающейся красоткой, выставившей вперед полушария, больше похожие на те ядра, которыми Влад топил вражеские суда. Постучала в дверь – молчание. Снова постучала – молчок. Повернулась спиной и стала методично долбить в дверь пяткой, надеясь, что грохот разбудит даже мертвых – если они там внутри все перемерли.

После десятого или пятнадцатого удара ее каблук не нашел опоры и провалился внутрь, ударил во что-то мягкое, ойкнувшее и заругавшееся отборным матом:

– Ты что, старая, охеренела?! Ты чего барабанишь, старая кошелка! Я сейчас тебе такого пенделя дам, что ты полетишь, как кусок дерьма, в придорожную канаву со скоростью осеннего урагана!

Подтверждая свои слова, лавочник попытался схватить старуху за воротник. Схватить-то ему удалось, а вот дать пенделя – не очень. В следующее мгновение он сам полетел в лавку, так что его ноги в мохнатых тапках вскинулись вверх, как клешни опрокинутого краба.

Лавочник вскрикнул от неожиданности и, лежа на спине, потер ушибленный затылок.

– Это как это?.. Ты как это?.. Ты кто?!

Амалия притворила дверь и закрыла ее на толстый дубовый засов. Не отвечая на вопросы валяющегося на полу лысоватого рыхлого человечка среднего роста, полноватого, с маленькими свинячьими глазками, девушка перешагнула через него и резко спросила:

– В доме кто-нибудь еще есть?

– Служанка... больше никого.

– У тебя есть платья для шлюх? Краски для лица?

– Хм... есть, да. Да вы кто?

– Твое какое дело?! Распорядись, чтобы служанка принесла сюда тазик с теплой водой, мыло и найди платья на мой рост и худощавое сложение. Поторапливайся!

Амалия стащила с головы платок и стала оттирать им лицо, испачканное в грязи.

У лавочника расширились глаза, и он ахнул, прикрыв рот рукой:

– Вы?! Да как вы решились?! За вас объявлена награда! Пять тысяч золотых! Да любой, кто вас выдаст, обогатится! А кто скроет – того принесут в жертву Аштарате! Особо мучительным способом!

– Послушай меня, – неприятно улыбнулась Амалия. – Если ты сейчас не сделаешь то, что я требую, предам тебя смерти особо мучительным способом я. И уверяю, способ этот будет очень непростым и очень мучительным. Когда-то там тебя поймают или нет оккупанты, а я вот она, тут. Что выбираешь?

– Да-да, сейчас, сейчас... – Лавочник побежал на другую половину дома, на ходу крича, чтобы служанка приготовила воду.

Через десять минут тазик с горячей водой уже стоял на табурете посреди комнаты. Рядом лежало мыло, чистое полотенце и небольшое зеркальце из полированной бронзы.

Амалия с наслаждением зачерпнула горячей воды и стала умываться, смывая грязь и остатки засохшей крови врагов, убитых ею в лесу. Потом она, не стесняясь хозяина лавки, разделась догола и протерла влажным концом полотенца все тело, чувствуя, как кровь быстрее побежала по жилам. В комнате было тепло, и после промозглой улицы и хождения в одежде, промокшей от дождя и стирки в ручье, это тепло казалось еще более приятным.

Лавочник разложил на стульях несколько платьев, чулки и платки, и Амалия, выбрав ярко-алое облегающее платье, стала одеваться. Натянув чулки, она почувствовала себя гораздо лучше, даже настроение улучшилось. Крепкие осенние туфли и почти новое пальто довершили наряд. Затем настал черед боевой раскраски – через двадцать минут в лавке стояла красивая девица, с пухлыми, ярко-красными губами, подведенными синим карандашом глазами, с налетом порока на совершенном лице.

Посмотрев на себя в зеркало, Амалия удовлетворенно кивнула – настоящая шлюха! Повязав на голову платок, она спрятала свои короткие волосы, и теперь была готова к посещению трактира.

Посмотрев на лавочника, девушка достала из-под юбки кошелек с монетами и кинула на стол два золотых. Подумала, добавила еще один:

– Молчи. Узнаю, что болтал, рассказал обо мне, – найду и убью. А я узнаю. Понял?

Лавочник энергично закивал и бросился к двери, спеша выпроводить страшную главу Тайной службы на улицу.

Амалия вышла из лавки, и дверь за ней захлопнулась, как будто ее ударило ветром. Девушка усмехнулась – помнят еще, бояться, значит, жива еще. Откуда лавочник ее знал, она не задумывалась. Дел с ним она не имела, но те, кто живет в трущобах, должны много знать – так легче прожить. И вообще, немного подольше пожить. Может, видел где-нибудь с Владом – скорее всего так. Ей это было неинтересно.

Скоро она снова была у трактира. Прежде чем подойти, осмотрелась – ничего подозрительного, все тихо. Поднялась на крыльцо и постучала в дверь условным стуком. Дверь открылась.

В трактире было очень тепло, даже жарко. Гремела музыка – музыкант пел что-то разухабистое, с матом и прибаутками. Мужчины, вид которых сразу наводил на мысль о ножах и кастетах, что-то распевали не в такт музыке, гремели кружки, стучали ложки – жизнь шла своим чередом, как будто и не было никакого вторжения оккупантов.

Впустивший Амалию вышибала с недоумением уставился на нее:

– Ты откуда такая взялась? К кому? Я тебя не знаю!

– Я к Пауку. Он меня знает.

– Уверена? Как о тебе доложить?

– Скажи – старая знакомая, за жизнь хочет поговорить.

– Мутная ты что-то, старая знакомая. Оружие есть?

– Нет. Где я тебе спрячу это оружие? – И Амалия, распахнув полы пальто, продемонстрировала платье, сидевшее на ней как вторая кожа.

– Н-да... тут не спрячешь – ухмыльнулся вышибала и шмыгнул перебитым бесформенным носом. – Стой здесь, сейчас я ему скажу.

Чтобы не привлекать излишнее внимание, Амалия отступила в уголок, за вешалку с верхней одеждой. Вышибала исчез за плотной массивной дверью, открывшейся и закрывшейся легко, без скрипа, видимо, петли были густо смазаны маслом. Появился он через две минуты и кивнул головой на дверь.

– Иди, он ждет! Он говорит, ты знаешь куда идти. – В глазах вышибалы было немое изумление – какая-то шлюха, а хозяин беспрекословно ее принимает, будто важную персону.

Амалия проскользнула мимо него, как уж в нору. За дверью оказалась лестница, и девушка по скрипучим ступеням поднялась наверх. Контраст – хорошо смазанная дверь и такие скрипучие ступеньки – навел ее на мысль, что это своего рода сигнальная система, чтобы было слышно, когда кто-то поднимается.

Паук по обыкновению сидел в своем кабинете в конце коридора. Здесь у него было что-то вроде конторы, где барыга принимал посетителей, скупал и продавал краденое. Дверь была

полуоткрыта, и, заслышав скрип половиц, Паук крикнул бархатным голосом, под стать его благообразной внешности:

– Я жду, жду... проходите!

Встретишь такого человека на улице – никогда не подумаешь, что это один из самых опасных людей в столице. Этаким одуванчик, с седыми пушистыми волосами, длинной ухоженной бородой и залысинами на высоком лбу – ни дать ни взять профессор. Однако Амалии было известно, что на совести этого «профессора» десятки, а то и сотни загубленных жизней купцов, торговцев или тех, кто просто имел несчастье встать на его пути.

– Я так и знал, что это вы, госпожа, – усмехнулся Паук, увидев на пороге главу Тайной службы. – Какая еще женщина могла столь нахально требовать встречи со мной. И что вам от меня нужно? Кстати, замечу: вы теперь не власть, теперь здесь другая власть.

– А тебе не кажется, что эта власть ненадолго? Что еще вернется власть императора Истрии?

– Честно скажу – сомневаюсь. Хотя я сам бы желал, чтобы прежняя власть, прежняя жизнь вернулась. Мне было легче жить при той власти, а эта слишком уж жестока.

– Кроме того, – как будто не замечая слов Паука, холодно продолжила Амалия, – достать человека можно и не находясь у власти. Есть тысячи способов превратить его жизнь в сплошную полосу неудач или же вообще лишить его жизни.

– Понимаю, – усмехнулся Паук, и его глаза сверкнули красным, как глаза крокодила в лучах фонаря охотника. – Угрожаете – мол, руки длинные, достанем! Верю. Вам – верю. Ладно. Не о том речь. Что хотите? Какую информацию? Предупреждаю, информации у меня теперь немного, сильная власть не выносит соперников и уничтожает все преступные сообщества – так вроде называют нас ваши друзья-стражники? Наши организации практически полностью разгромлены, оборота товаров в порту нет, наши соратники разбежались. Какую информацию я могу вам дать?

Амалия по-хозяйски расположилась в кресле напротив стола, за которым сидел Паук.

– Мне нужно знать все, что происходит в городе. Какие настроения у горожан, как обстоят дела с продуктами в городе, как работают структуры власти оккупантов, как они работают с населением, где стоят гарнизоны, сколько их, ну и так далее. Уверена, что ты все это знаешь.

– Знаю. Ну ладно, слушайте. Мы живем в загоне для скота. Все население столицы – скот. В любой момент мы можем оказаться на жертвенном алтаре. Время от времени хватают первых попавшихся и совершают жертвоприношения. Вначале все думали, что эта власть такая же, как и любая другая, установят свои порядки, и все пойдет по накатанной – приспособимся к этим законам и снова заживем. Ан нет, завоеватели сразу дали понять жителям столицы, что мы скот. Первое время еще можно было уйти из города с семьей, со скарбом. Теперь бежать из города нельзя. Беженцев легко отследить по повозкам, вещам. Заворачивают обратно. Скоро начнется голод. Люди спасались тем, что придумал ваш маг... как его там?.. Макобер? Везде, где только можно, выращивают мясницу. На всех клочках земли, на всех газонах маленькие огородики, которые жители защищают, как свой дом. Этим и живут. Но скоро стукнут морозы – мясница померзнет. Что есть? Нечего. Вот такая ситуация. Этот город – огромный загон, в котором люди лишь корм для завоевателей. Думаете, это пустые слова? Нет. После того как людей приносят в жертву, их тела скармливают летающим драконам. Они очень любят человечину... Попытки бунта пресекаются незамедлительно и жестоко. Убивают всех, кто живет рядом с зачинщиками, правых и виноватых. Говорят – эти земли слишком для вас хороши, надо освободить их для викантийцев и аштарийцев. Пожили – и хватит. Мастерские работают на армию вторжения – шьют, куют. Фактически в рабстве, за еду. Уйти не могут. Город-тюрьма, вот что это такое.

– А как ты-то тут устроился? Я смотрю, тебя не трогают, трактир если и не процветает, то явно на плаву. – Амалия подозрительно прищурилась, внимательно глядя в глаза Пауку.

Тот выдержал взгляд и пожал плечами:

– А куда мне деваться? Живу... во все времена и при всех властях людям нужно пить-есть, всегда находятся люди, у которых есть деньги, и они желают веселой жизни. Вот и кручусь как-то...

– Ну-ну... – неопределенно протянула Амалия, раздумывая над услышанным. – Расскажи-ка о том, как организована служба в городе, где стоят войска, где ходят патрули, ну и так далее – все, что знаешь.

Паук начал рассказывать, и не менее получаса Амалия слушала и впитывала сведения о вражеском гарнизоне, иногда перебивая и задавая вопросы. Наконец Паук замолчал, выдохшись. Амалия тоже не нарушала тишины, и слышно было, как внизу, в питейном зале, шумят посетители и гремят стулья по полу.

– Ты куда сейчас пойдешь? Где ночевать будешь? – неожиданно спросил Паук. – Нет-нет, не подумай чего плохого, я просто хотел предложить – можешь переночевать у меня, комнаты свободны, посетителей мало. Только шлюхи с клиентами. Выбирай любую комнату и ночуй!

– Нет, спасибо, у меня есть где переночевать, – отвергла предложение Амалия. Ночевать ей было негде, но в мозгу тренькнул тревожный звоночек – то ли Паук глазами как-то стрельнул в сторону, то ли еще что-то, но ее предчувствие говорило: уходи отсюда! Быстрее уходи!

– Мне пора. – Амалия поднялась с кресла и решительно зашагала к выходу. – Я тебя еще навещу, и не раз.

– Да-да, конечно, – засуетился Паук, вскочив из-за стола. – Может, задержишься – поужи-наешь, выпьешь? А там и видно будет?

– Нет. Ухожу. – Амалия застегнула пальто и вышла в коридор.

Чувство тревоги не покидало ее, хотя она и не могла понять, чем это вызвано. Но раз тут запахло неприятностями – правильно будет сбежать как можно быстрее. Что она и сделала.

Через пять минут Амалия уже шагала по грязной улице вверх, к центру города. Пока она посещала портного, а затем Паука, тусклый день сменился не менее тусклым вечером. Пора подумать о ночлеге. У Амалии был в запасе еще три адреса людей, которые на нее работали. Один из них, мясник, жил в получасе ходьбы отсюда – туда девушка и направилась.

Неожиданно она заметила в темном переулке справа от себя какое-то движение и молниеносно поднырнула под летящую на нее сеть. Раздался отборный солдатский мат, и вдруг улицу наводнили десятки людей, выскакивающих из переулков справа и слева, а также из домов.

Амалия за секунду оценила ситуацию: все пути отступления – улица, переулки – были отгорожены сетями, и кольцо медленно смыкалось. Амалия рванула с места так, что лопнул подол ее алого платья, и попыталась перепрыгнуть сети – увы, неудачно. Сети предусмотрительно были укреплены на шестах, и девушка с разгону врезалась в эту мягкую, коварно плетущуюся стену.

И тут все завертелось, закружилось – толпа захватчиков, состоящая из крупных, массивных мужчин, навалилась на запутавшуюся в сетях Амалию. Она ворочалась как медведь или, скорее, носорог – если можно сравнить с носорогом невысокую худенькую девушку. Впрочем, наверное, можно, потому что результаты ее разрушительной деятельности и стальных мышц носорога были сопоставимы.

Первые ряды нападавших полегли убитыми или ранеными – даже зная о ее необычайных способностях, они не ожидали столь чудовищной физической силы в хрупком на вид теле. Амалия, рыча как пантера и завывая как гиена, рвала тела всех, кто к ней прикоснулся, – одному руку, другому голову, третьему ногу...

Враги кричали, стонали, все вокруг было залито кровью. На Амалию накручивали и накручивали все новые слои сети, сделанной из необычайно крепкого материала, обматывали

веревкой, параллельно стараясь сорвать с нее одежду и добраться до амулетов, которое гасили все удары. Наконец кто-то удачливый умудрился сорвать черный алмаз, висевший на шее Амалии, и тут же на девушку посыпались тяжелые удары. На этот амулет была завязана и ее система регенерации, так что восстановиться было нечем.

Этот «удачливый» немедленно поплатился жизнью за свою шустрость – почти теряя сознание, Амалия последним усилием свернула ему шею, – но дело было сделано. Амалия лежала на земле спеленатая, как муха в паутине паука, и бессильно смотрела в темнеющее осеннее небо. Сквозь туман в голове толчками горячей крови билась горькая мысль: «Все. Теперь все. Жаль, что так все закончилось. Эти живой меня не выпустят. Мучиться буду долго – тело крепкое. Прости, Влад... не надо было лезть сюда».

Она последним усилием воли послала в пространство мысль – то ли прощальную, то ли мольбу о помощи, – а вдруг услышит? И усмехнулась про себя – ее ментальные способности никогда не были на высоте, увы. Амалия закрыла глаза – теперь оставалось только лишь принять свою участь, какой бы она ни была.

Вокруг сустились люди, стонали и матерились. Ее несколько раз пнули в бок, да так сильно, что, если бы не ее модифицированные кости, ребра бы точно сломались.

– Ты чего, болван! Убьешь – Шамасс тебя в жертву принесет за такие дела!

– Да эта сука наших положила шестнадцать человек! А еще десять покалечила! Я бы эту тварь...

– Тихо ты! Я тебя самого сейчас!.. Велено доставить ее живой и по возможности невредимой! Вам же было сказано, что девка очень опасна. Вы сами вызвались идти, вознаграждение получили – чего теперь ныть? Амулет ее подобрали?

– Подобрали. Станный он какой-то, никогда такого не видал – с черными камнями. Интересно, из чего сделан?

– Тебе какая разница, болван?! Берите ее на руки и тащите, темнеет уже.

– А что с ранеными?

– Давай за повозкой, и пятеро останьтесь тут, охраняйте раненых.

– А что насчет моего вознаграждения? – неожиданно прозвучал знакомый Амалии бархатный голос. – Это я вам ее сдал, где получить обещанные пять тысяч?

– Все вопросы к Шамассу! Я тебе что, трактирщик, с собой пять тысяч ношу?! Обещано – значит, получишь. Или не получишь. Это не мое дело. Все, отвали. Ребята, аккуратнее тащите. Узнаю, что ее повредили, уронили или еще чего – вы пожалеете, что родились. Пошли! Всем смотреть по сторонам, в случае нападения те, кто тащит девку, – в центр строя, и беречь даже ценой своей жизни. Она очень нужна Шамассу. Уж не знаю зачем...

Дорога показалась Амалии вечностью – ее исподтишка щипали и били, к концу пути тело немилосердно болело и горело, как будто ее протащили по земле за лошадью несколько верст. Глаза ей завязали, так что видеть, куда ее несли, она не могла. Больше всего она жалела, что оставила свою клюку-меч возле лавки портного – спрятала возле входа, прикопав в кустах. Странно бы выглядела проститутка с клюкой, вот и пришлось оставить. С мечом они ее так бы легко не взяли...

Загромыхали ворота, распахнулись двери в помещение. Ударяя пленницу о косяки, ее пленители начали спускаться в подземелье – голоса гремели эхом в замкнутом пространстве:

– Сюда ее давай. Тут прикуем!

– Эй, ты смотри, она сильна как бык, может и цепи порвать!

– Эти не порвет. Даже бык не порвет. Держите ее руку, заковывать буду.

– Не-э... так не пойдет! Тащи сюда воронку и дурманящую жидкость, я не буду ее освобождать без этого. Эта тварь голыми руками убила шестнадцать человек и десять покалечила! Это же демоница! Ослабнут путы – нам тут всем конец.

– Да-а? А по ней не скажешь... ладно, сейчас принесу.

Минут пятнадцать было тихо, слышалось только дыхание да скрип сапог переминающихся с ноги на ногу солдат, потом дверь снова открылась.

– Вот. Хватит и быка уложить этой гадостью.

– А она не подохнет? Смотри, Шамасс с тебя живого кожу снимет, если она помрет.

– Не... я дозу знаю. Отключится, через сутки очнется. Заливай ей в глотку.

– А чего я-то? Ты палач, ты и заливай!

– Я палач, а за то, чтобы моим клиентам заливать в глотку дурман, мне не платят. Это твое дело. Заливай, а я погляжу!

– Ну и скотина же ты, Мардук... Кстати, ты мне еще пять серебряников должен, не забыл? Вот хрен тебе когда еще в долг дам!

– Ну ладно, ладно, залью, я пошутил! Держите ей башку! Эй, сучка, пасть свою раскрой! Раскрой, говорю! Все равно залью! Ну что делать – она зубы сжала, не дает воронку вставить!

– Забей ей воронку туда!

– А зубы?

– Хрен с ними, с зубами! Есть другие предложения? Нет? Давай!

Палач приставил к передним зубам Амалии воронку и сильно ударил сверху рукой – трубка скользнула по зубам и рассекла десны, отчего рот наполнился кровью. Палач поправил воронку и еще раз ударил – никакого эффекта.

– Глянь, какие зубы крепкие! Мне бы такие. Никак не пробить! Надо дыру пробивать чем-то, а то и воронка сломается. Щас я молотком...

Палач загремел какими-то инструментами на железном подносе, оттянул губы девушки и с силой опустил узкий молоток на ее передние резцы. Зубы хрустнули и сломались, а Амалию захлестнула дикая боль, с которой мало что может сравниться.

– Ну вот, теперь можно и воронку засунуть, и еще чего поинтереснее – шлюхе-то без передних зубов оно как раз! – заржал командир группы захвата. – Заливай, только смотри, чтобы осколками зубов не подавилась!

– Переверните ее, встрясите зубы. Эй ты, лучше сама выплюнь, а то сейчас пальцем залезу!

Амалия, почти потерявшая сознание от боли, выплюнула на пол осколки зубов, ее снова положили на спину и сунули в рот хобот воронки. Секунду спустя из него потекла горькая, пряная жидкость. Амалия попробовала выплюнуть, но ей зажали нос, и через пару минут, не выдержав, она вдохнула воздух ртом, а чтобы не захлебнуться, стала глотать дурманивший напиток. Вскоре он начал действовать – боль ушла, сознание растворилось в темноте, и Амалия впала в забытие.

Влад лежал на двуспальной кровати, растянувшись рядом с уставшей, посапывающей Ариной и размышлял о планах на будущее. Он уже стал засыпать, когда вдруг перед ним возникло лицо Амалии. Она смотрела на него горестно и печально, сказала: «Прости. Прощай», и ее изображение исчезло.

Сон как рукой сняло, Влад стал размышлять – что же это было? Так и не придя ни к какому выводу, решил, что завтра свяжется с замком. Скорее всего, просто какой-то кошмар привиделся. С этими мыслями он уснул.

Глава 3

Пробуждение было ужасным. Болело все тело, голова, зубы, челюсти онемели, руки и ноги ломило, будто их сжало железными обручами. Амалия пошевелилась, вернее, попыталась это сделать, и открыла глаза.

Над головой, метрах в трех, виднелся серый сводчатый потолок с черными пятнами копоти. Амалия попыталась поднять руку, чтобы ощупать себя – она не могла понять, где находится, у нее отшибло память. Рука не поднималась. Повернув голову, Амалия увидела, что к руке тянется толстенная железная цепь, а запястье охватывает толстый наручник, к которому, собственно, и крепилась цепь. Амалия рванулась, но цепь, зазвенев, выдержала.

Опустив голову вниз, девушка увидела, что она полностью обнажена и лежит почти вертикально на крестообразном приспособлении, наклоненном под углом градусов пятнадцать – двадцать. Этого было достаточно, чтобы она совсем уж не повисала на прикованных руках и одновременно почти стояла на ногах. Руки и ноги ее были раскинуты в стороны – в этом положении человек наиболее беспомощен, и даже если он так силен, как модифицированные бойцы, созданные Владом, все равно не сможет на полную использовать свою силу.

Амалия ощутила во рту какое-то неудобство, коснулась языком передних зубов и ощутила вместо них острые пеньки. Она все вспомнила, и ее охватили ужас и тоска – вот как все закончилось... Ей хотелось заплакать, завывать, но слез не было. Потом она взяла себя в руки – ничего еще не кончилось, пока она жива. Пусть даже ее и искалечили, но Влад не оставит ее в таком виде, вылечит.

При мысли о Владе ее опять охватила печаль – она, возможно, больше не увидит его, а смыслом жизни Амалии была любовь и верность этому человеку. Все ее существо протестовало против того, что она больше не сможет ему служить. Конечно, это говорил в ней посыл, вложенный когда-то Владом в ее мозг, но Амалия этого не осознавала, не могла осознать. Да и какая разница, почему она любила Влада и готова была отдать за него жизнь – вложило ли эту мысль ей в голову Провидение либо маг-менталист, – факт оставался фактом. Смысл ее существования – Влад. Ее божество. А раз так, надо выбираться из этих застенков и служить ему.

Амалия сосредоточилась и, ухватившись за толстую цепь, потянула ее, напрягая свои модифицированные мышцы, чья мощь была сравнима с совокупной силой нескольких весьма тренированных мужчин. Увы, цепь напряглась, зазвенела, но толстые, кованые звенья не дрогнули, и металлическая крестовина, к которой была приделана цепь, – тоже.

Еще минут пятнадцать Амалия пыталась разорвать оковы, пока не выдохлась, и решила поберечь силы для того, что ей предстоит. Ее ведь не убили, значит – чего-то от нее хотят. Чего? Скажут.

Что от нее хотели, она узнала примерно через час, когда дверь открылась и в пыточную вошел человек в темно-коричневой одежде и кожаном фартуке того же цвета. Ему было около сорока лет, и, если бы не странный наряд, он ничем бы не отличался от большинства мужчин, живущих во всех странах мира, – обычный служака, заботящийся о своей семье, иногда забегающий в трактир пропустить рюмочку, и любитель собачьих бегов, где тайком от жены делает ставки. Вот только работа у него была такая, о которой и говорить не принято. Он пытал людей. Специалист высокого класса, он мог так изувечить человека, что тот, еще живой, сходил с ума от боли. Как и у всех профессионалов, у него были свои пристрастия – ему очень нравилось пытать женщин. Его начальник, комендант тюрьмы, шутил, что палач питает пристрастие к пыткам женщин оттого, что боится гульнуть от жены, мол, та узнает об измене и устроит ему дома пыточную. А тут простор для фантазии – наслаждайся женским телом сколько угодно и как угодно.

Этот человек был из викантийцев – истрийцы ничего не понимали в изысканных пытках, да и не хотели служить у захватчиков в такой роли. При каждой армии Викантии обязательно имелся заплечных дел мастер – кроме представителей противника он пользовал и провинившихся солдат и обслугу своей армии. В арсенале были и банальная порка, и изысканные казни, на которые собиралась, как на представления, викантийская знать.

Палач подошел к распростертой на крестовине обнаженной девушке и с удовольствием рассмотрел ее как следует, касаясь руками тела, оглаживая, как художник оглаживал бы холст, натянутый на мольберте, в предвкушении создания своего шедевра. Амалия возмущенно дернулась, когда руки палача оглаживали ее живот, попыталась ударить головой в склонившееся над ней лицо, но не достала.

– Ты шустрая... – удовлетворенно заметил палач. – Мне будет приятно с тобой работать! Я люблю энергичных женщин. Вы так кричите, так стонете, когда я вами занимаюсь... Предвкушаю те минуты нашей с тобой беседы... – Глаза палача увлажнились, и он тяжело задышал.

– Что со мной будет? – спросила Амалия.

– Что? – усмехнулся палач. – Вначале с тобой побеседует Шамасс и выкачает все, что ты знаешь, а потом тебя отдадут мне – ведь ты не сдашься ему, да? Ведь не сдашься? – Палач облизнул губы бледным, с желтым налетом языком. – Я надеюсь, что не сдашься, а значит, мне прикажут сломить твой дух. Через муки твоей плоти. А затем снова Шамасс войдет в твою голову. Ну а закончишь ты как обычно – куском окровавленной плоти, завывая от боли. Не беспокойся, я не дам тебе умереть! Ты будешь кричать несколько дней, пока не потеряешь разум, а куски твоего тела скормят драконам. Они любят человеческую плоть! Я славно с тобой позабавлюсь...

Палач своим нечистым языком провел по ее груди, опускаясь ниже и ниже... Амалия содрогнулась от отвращения и замерла, раздумывая, есть ли какой-нибудь выход из ситуации. Ответ напрашивался неутешительный.

Стукнула дверь, и в камеру вошел худощавый мужчина лет тридцати, с резкими чертами лица и фанатично пылающими глазами.

– Что тут происходит? – строго спросил он. Его голос напоминал одновременно удар хлыста и скрежет ножа по тарелке. – Твое время еще не пришло, не трогай ее. Встань у двери и никого не пускай к нам, нельзя мешать мне. Быстро!

Палач испуганно оторвался от пленницы и выбежал в коридор. Дверь закрылась, и Амалия осталась один на один с неизвестным, строго смотрящим на свою жертву.

Уголки рта мага дрогнули, складываясь в легкую улыбку, искривившую худое лицо:

– Так вот ты какая, Амалия, глава секретной службы нашего врага! Мне рассказывали о тебе. Если даже половина того, что о тебе говорили, правда, – ты великий воин и очень умная девушка. Я не буду скрывать от тебя – ты или переходишь на службу Аштарату, или же умрешь. И не просто умрешь, а в муках, таких страшных, что ты и представить не можешь. То, что тебе выбили зубы, это ничтожная часть того, что тебе предстоит испытать. Сейчас я мысленно войду к тебе в голову, ты должна расслабиться и выдать мне все сведения, которыми располагаешь. Если я не смогу вычерпать у тебя информацию, тогда тобой займется палач, и через некоторое время я снова возьмусь за тебя. И так бесконечно, пока ты жива и пока твой разум в здравии. Вообще, лучше бы тебе сразу сойти с ума, – сочувственно заметил маг, – хоть ты и враг, но мне жаль такую красоту отдавать на растерзание грязной солдатне и палачу-маньяку. А может, все-таки сразу пойдешь к нам на службу? Подумай, я даю тебе пять минут...

– Нечего думать. Я не буду на вас работать, – шепеляво ответила Амалия. – А вы все равно сдохнете, Влад до вас доберется и отомстит за меня!

– Может, и отомстит, я ничего не исключаю в нашей жизни, но ты-то к тому времени превратишься в кусок кровоточащего мяса, пожираемого драконами! Тебе-то какая разница будет, отомстит он или нет! А у нас ты получишь все, что захочешь, – деньги, власть, слуг,

мужчин и женщин! Подумай – иначе смерть в муках, несчастной калекой. Мясо для зверей – или все, что может предоставить тебе этот мир. Аштарат очень богат и властвует над почти всем миром! А скоро весь мир будет у нас под пятой! Подумай!

– Я подумала. Пошел ты... – Амалия присовокупила длинное и витиеватое солдатское ругательство.

Шамасс покраснел и покачал головой.

– Ну что же, ты сама выбрала.

Маг обхватил руками голову девушки, Амалия вздрогнула, попыталась вырваться, но в следующее мгновение впала в транс, не в силах сопротивляться менталисту. Что происходило после, она не чувствовала и не ощущала. Сколько прошло времени – тоже не знала.

Очнувшись, увидела перед собой угрюмое лицо мага, внимательно смотрящего ей в глаза.

– Ну что же, Амалия, твой Влад не оставил нам никаких лазеек. Признаю, это великий маг, возможно, величайший в этом мире – если не считать Великой Матери Дараниссы. Я не могу проникнуть в твой мозг, в нем стоит мощная защита от проникновения, поддерживаемая твоей волей. Пока твоя воля не сломлена, я ничего не могу сделать, твои ментальные стены отбрасывают меня. Значит, будем ломать волю. Мне жаль тебя, но таковы правила игры. Эй, палач, сюда!

В пыточную вбежал палач, и Шамасс строго обратился к нему:

– Она теперь твоя. Но! Она должна жить, говорить, соображать – голова должна быть цела, по голове не бить. Ну а в остальном – делай что хочешь, только сломи ее волю. Пусть она превратится в скулящее животное, просящее милости от хозяина. Если она умрет от пыток – ее место займешь ты, и тебе будет хуже, чем ей. Ты все понял?

– Понял, господин маг! Я искусный мастер пыток, не беспокойтесь, все будет в порядке! К обеду можете приходить. Она будет таять как воск в ваших руках, будет готова на все!

– Хорошо, я надеюсь на тебя и вознагражу, если все будет так, как ты говоришь. – Шамасс отечески похлопал палача по плечу, отчего тот расплылся в раболепной улыбке и поклонился магу ниже обычного.

Шамасс вышел из комнаты, жертва и палач остались наедине.

– Ну вот мы и одни... – радостно улыбнулся изувер, подходя к девушке. – Спасибо тебе, что не сдалась! Теперь мы с тобой позабавимся! Ты рада?

Влад сидел в своей комнате на втором этаже трактира и сосредоточенно думал: «Амалия определенно попала в беду. Итак, где ее искать? Кого из ее резидентов я знаю? Пятерых – она мне о них говорила. Значит, если она отправилась в столицу, то обязательно этих навестит. Значит, надо лететь в столицу и пройти по ее следам. Прямо сейчас. А к замку графа прилечу позже. Как? Надо вытащить информацию из головы барона или баронессы».

Влад вскочил и, распахнув дверь, выбежал в коридор. Оказавшись у комнаты барона, он без стука ворвался в номер. Полуодетые барон и баронесса испуганно вытаращили глаза на мага. Не тратя времени на длительные разговоры и объяснения, Влад подошел к барону и ворвался в его мозг, мимоходом погрузив Некайло в транс. Через несколько секунд картинка со стоящим на пригорке замком графа Раганора была перекачана в мозг Влада. Еще через секунду ошеломленный барон был выведен из транса.

– Барон, я вынужден временно вас покинуть. Соединимся мы возле замка графа или где-то в дороге – я вас найду. Никому никаких объяснений не давайте, кроме – вы отправили меня по важному секретному делу. Все.

Влад вышел в коридор и заглянул в номер, где жили циркачи. Они все были уже одеты и собирали вещи в мешки.

– Я вас временно покидаю, увидимся в замке графа. Мне нужно отлучиться по срочному делу, зашел, чтобы попрощаться.

– Так я и знала! – грустно сказала Арина. – Ты уходишь...

– Ненадолго, скоро увидимся, – серьезно ответил Влад. – Все, мне пора, время торопит. До свидания, ребята.

Спустя десять минут собранный, сосредоточенный на проблеме Влад уже шагал по дороге, провожаемый недоуменными взглядами стражников барона. Оказавшись в густом лесу, Влад убедился, что его никто не видит, и создал портал, открыв его на поляну в трех километрах от столицы – нельзя было привлекать внимание, вдруг кто-то заметит молнии и услышит грохот.

Приземление произошло спокойно, никого рядом не оказалось. Немного подумав, Влад поднялся в воздух и полетел над деревьями, не поднимаясь высоко и следуя параллельно рельефу местности. У городской стены, там, где она переходила в гору, маг был через несколько минут.

Еще с высоты он заметил скушающего стражника, одетого в викантийскую одежду. Тот смотрел не в сторону леса, а куда-то вниз, видимо наблюдая за прохожими, и это облегчало задачу Влада – он приземлился позади солдата, и в следующее мгновение все было кончено. Теперь спуск был почти безопасен – оставалось лишь дожидаться, чтобы внизу не оказалось случайных прохожих и викантийских патрулей. Вскоре Влад шагал по мостовым бывшей столицы Истрии.

Пытаясь восстановить путь Амалии, маг стал рассуждать, куда в первую очередь она могла пойти. В лавку на базарной площади. А от нее? Наверное, к Пауку – кто знает обстановку лучше, чем уголовный авторитет? Опять же, если и ждать от кого-то пакости, так это от Паука, поэтому, скорее всего, в первую очередь надо идти к нему. Влад знал, где тот обитает – Амалия время от времени отчитывалась перед своим господином о проделанной работе. Маг, с его абсолютной памятью, ничего не забывал. Итак, к Пауку.

Моросил мелкий, неприятный дождик – в отличие от северных территорий в столице никогда не было настоящей зимы с ее морозами и обильными снегопадами. Сказывалась близость моря, этого гигантского аккумулятора тепла.

Влад запустил руки в карманы, поднял воротник выдавшей виды кожаной куртки и в меру быстрым шагом направился в сторону порта. Через сорок минут он оказался на Портовой улице, в конце которой, как он знал, стоял трактир Паука.

Трактир напоминал огромный пиратский корабль, выброшенный на сушу, и ветер с моря колыхал его выцветшую вывеску, как остатки парусов морского гиганта. Дверь, как ожидалось, была закрыта, ставни тоже, так что оставалось ждать, когда в трактир кто-нибудь наведается. В противном случае, как справедливо полагал Влад, невозможно попасть туда бесшумно. Впрочем, если первый этаж закрыт наглухо, то, может, на втором где-нибудь удастся найти щелку для проникновения?

Маг отделился от дерева, из-за которого наблюдал за трактиром, и пошел вокруг здания, зорко поглядывая наверх. В одном месте створка окна вроде бы была приоткрыта, и в образовавшийся проем он вполне мог проникнуть. Оглядевшись, не видит ли кто его маневров, Влад поднялся в воздух и, приблизившись к окну, с ходу влетел в него рыбкой, готовый к любым неожиданностям.

Неожиданностей не было – на широкой постели слились в экстазе мужчина лет тридцати, с обезображенным шрамом лицом, и девица, совсем молоденькая, почти дитя. Надо отдать должное этому парню – увидев, что в окно влетел какой-то тип, он не стал кричать, узнавать, кто это и с какой стати он влез в его номер, а, отбросив в сторону голую девицу, скакнул к тумбочке и выхватил из ножен огромный тесак, походивший на гладий римских легионеров. Он попытался проткнуть незваного гостя, но лишь продырявил воздух слева от подмышки мага и был тут же уложен на ковер в бессознательном состоянии – для этого Владу пришлось воспользоваться ментальным умением, калечить парня он не хотел. Девица, сжавшись в комочек

в углу кровати, попискивала от ужаса. Ее густо накрашенные глаза и губы указывали на профессиональную принадлежность.

Влад, подойдя к ней ближе, тоже погрузил ее в транс и направился было к двери, но, подумав, вернулся и влез в головы обоих, подчинив их волю себе, – мало ли что и как сложится, лишние сторонники никогда не помешают.

Разбудив бандита, Влад спросил:

– Где кабинет Паука?

– Налево по коридору, полированная деревянная дверь, – ответил тот, хлопая глазами.

– Там есть охрана?

– Нет. Но сегодня сбор авторитетов – будут решать, что делать дальше, как жить. Так что они сейчас все там, в его кабинете.

– Много их?

– Восемь человек. С ними по человеку охраны – так положено. Охрана вооружена.

– Чем вооружена?

– Вот такими же ножами, как у меня. Ну и кастеты, кистени, все как положено.

– Как думаешь, надолго они собрались?

– До обеда точно просидят. Пока то да се... до обеда, да.

– Как думаешь, Паука вызвать в коридор возможно?

– Он не пойдет. Его другие авторитеты тогда не поймут, заподозрят какую-то интригу, заговор, и могут быть неприятности.

– Значит, надо ждать, пока не разойдутся... – задумчиво протянул Влад. – Или всех убивать.

И тут же подумал: «Если завалить всех посетителей Паука, то как агент он будет в дальнейшем совершенно бесполезен, как бесполезен труп. А значит, одним ценным агентом будет меньше. Придется ждать, пока не разойдутся... черт! Как я не люблю вот этого – ожидания, томительного и нудного!»

Не обращая внимания на голую парочку в номере, Влад уселся в кресло и приготовился ждать. Поразмыслил над ситуацией, закрыл глаза, расслабился и пустил мысль в пространство:

– Привет, Зеленушка! Как вы там? Воюете?

– Сейчас, погоди... ах гадина! Ты знаешь, какая дрына сейчас мимо меня пролетела? Они мечут копья! В общем, замок один берем – ворота раздолбали, сейчас Борислав со своими туда идет, драконов отвели от стен пока что. Я сунулся ближе, так меня чуть не проткнули – Тарлов вон ругается, как моя мама. Кстати, она хотела с тобой пообщаться, увидеться. Ты не против?

– Конечно нет! А она может со мной разговаривать мысленно?

– Может, но прежде ты должен ее увидеть, чтобы знать, кому отправлять мысль.

– А что, ты не можешь дать мне ее картинку?

– Хм... я болван. Лови!

В мозгу у Влада вспыхнул образ драконихи, угольно-черного цвета, с белым пятном на груди. Выражение ее «лица» было строгим и даже угрюмым в отличие от всегда шаловливого и бесшабашного выражения морды Зеленушки. «Строгая дама! – подумал Влад. – У нее не забалуешь! Небось Зеленушке доставалось за его шалости...»

– Слушай, Зеленушка, а как ее звать?

– Хм... в переводе на людской – Пятнышко.

– Ох ты, такая строгая дама – и такое легкомысленное имя?! Ну-ну... Пятнышко. Хорошо. Я сейчас свяжусь с ней. Скажи, а ты можешь участвовать в разговоре? Как это сделать?

– Когда будешь отправлять мысль-посыл, держи в голове сразу нас обоих, и все. Опытные менталисты могут держать разговор сразу с несколькими адресатами, до десяти объектов примерно. Так что все в твоих силах.

– Здравствуйте, Пятнышко! – отправил мысль-посыл Влад. – Вы хотели со мной говорить?

– Хотела, – громыхнул голос взрослой драконихи, похожий на ментальный голос Зеленушки, только не такой раскатистый, а слегка как бы... помелодичнее. – Так это ты человек Влад, сбивший моего сына с истинного пути драконов?

– Он, он, мама! Сбил, сбил, – радостно громыхнул Зеленушка, – а я тут ни при чем! Я поддающийся дурному влиянию, ты всегда говорила! Так что это он виноват!

Драконы в унисон засмеялись, а дракониха с усмешкой добавила:

– Да, Зеленушка всегда умел переложить ответственность на друзей. Ладно, теперь серьезно. Во-первых, у нас нет обращения во множественном числе – говори мне «ты». Во-вторых, я была против общения моего сына с людьми. Всегда была против. И сейчас я не особо в восторге от результатов сотрудничества драконов и людей. Посмотри, чем это все закончилось? Гибелью подружки Зеленушки! Теперь он не скоро найдет себе пару – если ты не в курсе, драконы заключают браки на всю жизнь и часто при потере партнера остаются навсегда одни. Надеюсь, это не коснется моего сына, все-таки хотелось бы увидеть внука или внучку.

– Мам, ну не надо об этом... и Влад не виноват в гибели Радуги. – Дракон передал картинку летящих крысанов. – Если бы не он, скоро мы бы вообще были все мертвы, ведь после них, людей, крысаны и их наездники точно взяли бы за нас!

– Верно. Поэтому мое нежелание сотрудничать убыло, – неохотно признала дракониха, – однако лучше было бы, если б людей вообще не существовало! От них один вред!

– Но мы есть, – прервал драконьи откровения Влад, – и вам надо с этим считаться. И я с моими подчиненными – единственная ваша защита от гибели. Не согласны?

– Не совсем. Материк большой, возможно, мы бы затерялись в лесах и нас бы не нашли.

– И жили бы как ночные крысы? Все время скитаясь и прячась? Мам, ты не права. Наша судьба – существовать рядом с людьми, и иной судьбы нет. Совсем. Ты же мудрая, ты же видишь!

– Вижу. И тем хуже у меня на душе. Влад, прошу тебя, побереги Зеленушку! Если он погибнет... я тебе этого не прошу.

– Мама, ну что такое, я уже не ребенок! Мне давно не годик! Ты что, все время будешь за меня просить и оберегать, как младенца?!

– Буду. Потому как ты младенец и есть. Вот Радугу мать не оберегала как следует – она и погибла. А ты живой, потому что я тебя оберегала!

– Тьфу! Не трогай тему с Радугой, мама! – Зеленушка явно рассердился, это было слышно даже в ментальном пространстве. – И вообще, если ты не прекратишь так со мной обращаться, я оборву с тобой все связи! Вообще не буду с тобой разговаривать!

– Видишь, до чего тебя люди довели, чему научили – с мамой и так разговариваешь! Я с отцом поговорю – он, как всегда, бродит где-то на юге, и ему наплевать на ребенка! Пусть он займется хоть иногда твоим воспитанием!

– Никто больше не займется моим воспитанием! Ни ты, ни отец! Я взрослый дракон! Отстаньте от меня!

– Зеленушка, – вмешался Влад, – мама права, ты навсегда останешься для нее маленьким ребенком. Все мы такие – люди ли, драконы ли... у тебя есть мама, это так хорошо, так здорово... моя умерла совсем молодой, от болезни, ей было меньше лет, чем мне сейчас. Я ее часто вспоминаю, и как бы я хотел, чтобы она была жива и обо мне заботилась... Ты не понимаешь своего счастья – живая и здоровая мама! Не ссорься с ней.

– Хм... Я думала, люди совсем идиоты, а оказывается, среди них есть вполне разумные существа! – одобрительно прогремела Пятнышко. – Я была о тебе худшего мнения, Влад. Мне придется пересмотреть свое отношение к людям. Обдумать все. А ты, сынок, не обижайся, я ведь тебе только добра желаю, счастья... и прости меня, что я про Радугу так сказала. Мне

очень, очень жаль ее. Она мне нравилась – красивая дракониха, сильная, здоровая и умненькая. Похожа на меня в молодости...

– Говорят, что дочери ищут себе мужей, напоминающих им отца, а сыновья – жен, похожих на их мать, – вмешался Влад, – так что гордитесь, Зеленушка искал себе похожую на вас подругу.

– Я же говорила, у нас нет обращения на «вы», – проворчала дракониха, но по тону было ясно, что она довольна словами Влада. – А ты умненький мальчик. Делаю вывод – ты мне нравишься. Пожалуйста, последи, чтобы с моим цыпленком ничего не случилось, я буду очень сильно горевать, не переживу этого.

– Хорошо. Обещаю сделать все, что смогу, – расплывчато пообещал Влад, еле сдерживающий смех, несмотря на торжественность ситуации. Все-таки редко когда услышишь, как дракона весом в несколько тонн мама называет цыпленком!

– Ну вот и славно. Когда-нибудь встретимся лично, поговорим о том о сем... было приятно с тобой пообщаться, человек! Если среди людей встречаются такие, как ты, возможно, еще не все потеряно и у наших отношений есть будущее. Ты меня немного успокоил. Прощай.

В ментальном пространстве как будто щелкнуло, может быть, Владу это просто показалось, но ощущение драконихи, ощущение ее присутствия пропало.

– Ну как тебе моя мама? – хмыкнул Зеленушка. – Согласись, такое впечатление, что она забралась на тебя верхом и втоптала в землю. Нет?

– Ты преувеличиваешь, – рассмеялся Влад, – но что-то в этом есть. Надо отдать тебе должное, ты крепко держался и даже не сбежал!

– Ага... чуть не сбежал. Мне лучше биться со стаей крысанов и их всадников, чем слушать нравоучения моей мамы. Недаром у нее прозвище – Ураган!

– Что, и правда такое прозвище?

– А то... по слухам, она побил двух претенденток на оплодотворение яиц моим отцом, а сам он сбежал от нее на юг, прячась в непроходимых джунглях, так как она не давала ему ступить и шагу без нравоучений. Кстати, одной из своих конкуренток она сломала хвост! Чем не ураган?

– М-дя. Надо беречь тебя, а то она всем нам хвосты переломает... Ты меня озадачил.

– То-то же... – рассмеялся дракон. – Ладно, хорошо поговорили, но надо и служить. Борислав уже замок очищает, скоро обедать будем. Удачи. Я слышал, с Амалией беда? Мне очень жаль, надеюсь, с ней все будет нормально.

Дракон отключился, а Влад впал в состояние, подобное трансу, из которого его вывел шум шагов и голоса в коридоре – наконец-то «саммит» закончился. После того как все затихло, маг на всякий случай выждал минут пятнадцать, внимательно прислушиваясь к тому, что происходило за дверью номера, а затем вышел в коридор.

Огляделся – в дальнем углу полированная дверь с бронзовыми накладками. Тихо подкрался к ней, прислушался – за дверью кто-то негромко разговаривал. Судя по голосам, человека два-три. Влад мягко нажал на дверь, опасаясь, что она заблокирована изнутри, однако дверь легко подалась и распахнулась без скрипа и стопа.

– Приветствую вас. Кто здесь Паук? – Влад внимательно оглядел ошеломленных людей.

Их в комнате было трое. Благообразный мужчина лет пятидесяти пяти, с седой бородой и пышными волосами, чем-то напоминающий то ли Карла Маркса, то ли апостола Петра, головорез, вооруженный стандартным набором – тесаком и кистенем, и тщедушный, плюгавый мужичонка, скорее всего счетовод.

Благообразный сверкнул глазами и сказал бархатным, хорошо поставленным голосом:

– Выкинь его отсюда. Можешь свернуть ему голову. Впрочем, не надо сворачивать... упакуй его как следует, потом узнаем, как этот придурок проник на второй этаж так, что его внизу не остановили. Выполняй.

Охранник кошачьим движением рванулся к Владу и через три секунды затих в углу грудой татуированного мяса – он врезался в стену, как торпеда, потерявшая направление движения и влетевшая в волнолом.

Маг спокойно прошел к одному из кресел за большим овальным столом и сел, невидимой рукой захлопнув за собой дверь и заложив ее длинным брусом, сломать который можно было только из пушки.

– Паук, быстро сел за стол! И ты тоже садись. Разговор есть.

– Ты кто? – Глаза Паука забежали, и от него ощутимо шибануло волной страха. – Чего хочешь?

– Амалия была у тебя? – проигнорировав его вопросы, продолжил Влад. – Ну быстро, была?

– Была. Но она ушла, и я не знаю, где она! – От Паука еще сильнее запахло страхом.

– Врешь. Ну-ка иди сюда! – Влад приподнялся, наклоняясь к авторитету, тот испуганно отшатнулся, но было поздно – маг грубо ворвался в его мозг и через минуту знал все, от сексуальных пристрастий Паука до подробностей последней встречи с Амалией.

Ужасно хотелось убить этого мерзкого гада, но, сдержавшись, Влад просто промыл ему мозги, внушив верность к себе и своим соратникам. Затем пришел черед сжавшегося в комочек плюгавого – он действительно оказался счетоводом. Последним процедуре внушения подвергся охранник.

– Тебе известна судьба Амалии после захвата? – сжав зубы до скрежета, спросил Влад.

– Нет, не известна. Знаю, что ее забрали в службу Шамасса.

– Расскажи, что это за служба, кто такой Шамасс и где эта служба находится.

– Шамасс – главный маг. Наместник Аштарата. И вообще, он тут главный. Ему подчиняются все. Фактически он наподобие императора. И живет в императорском дворце. Думаю, что Амалия там, в темницах дворца. Под дворцом большие помещения, в них содержат всех, кого захватила служба Шамасса. Дворец надежно охраняется, внутренний круг – бойцы Аштарата, внешний – викантийцы. Количество охранников неизвестно, но их очень много. В воздухе постоянно находятся три дракона с всадниками, наблюдающими за обстановкой вокруг. Подобраться незамеченным совершенно невозможно.

– У тебя есть кто-то вхожий в эти темницы? Какой-нибудь человек, работающий там?

– Нет. Раньше – был. А теперь там везде аштарийцы и викантийцы. Местным они не доверяют, во дворец вхожи только иноземцы. Истрийцев не допускают даже для того, чтобы мыть полы и выносить горшки.

– Ты уверен, что во дворец нет доступа никому? Что туда нельзя проникнуть? Подземные ходы? Канализация? Ну что-то должно быть! А ночью? Ночью они тоже патрулируют на драконах? Как освещается дворец?

– Горят костры, факелы, а еще везде развешаны магические светляки размером от кулака до человеческой головы. Свет заливают все, ночью видно как днем.

– Как выглядит Шамасс? Ты его видел вблизи?

– Видел, и не раз. Худой такой. С горящими глазами. Настоящий фанатик.

– Представь его лицо в подробностях, всю его фигуру. Сосредоточься – в чем он ходит, какая у него походка.

Влад быстро просканировал мозг Паука и запомнил Шамасса – у него возникла одна идея...

– Сейчас выделишь мне сопровождающих, пусть проводят меня к императорскому дворцу. Впрочем, нет. Пусть отведут меня к портному, который шьет очень быстро. Есть тут такой? Сможет он сшить одежду наподобие той, в которой ходит Шамасс?

– А почему нет... сможет, конечно. Той одежды-то на Шамассе – черная тога с капюшоном, даже башмаков не видать. Он так и ходит – в тоге, с капюшоном на голове.

– Видел. Не теряй времени, готовь провожатых и деньги для портного.
– А зачем деньги? Он и так сделает все, что я скажу.
– Твое дело. Пошевеливайся. И мне мешочек с золотыми приготовь, вдруг пригодятся.
– Хорошо, сейчас все сделаю! – Паук засуетился, отдавая распоряжения счетоводу, побужавшему в комнатку за неприметной дверцей, видимо сокровищницу. Телохранитель авторитета уже оклемался и стоял у дверей, недоуменно помаргивая, – Паук отправил его вниз, назвав имена тех, кто пойдет с Владом.

Вскоре Влад уже шлепал по мокрой мостовой, сопровождаемый тремя совершенно жуткого вида головорезами. Видимо, обитатели трущоб знали этих людей, потому как улицы, по которым хоть и редко, но пробегали случайные прохожие, очистились, как будто группа шла в постапокалиптическом пространстве, очищенном от людского племени. А может, просто дело было к вечеру, и прохожих естественным образом поубавилось, чему поспособствовал и нудный осенний дождь.

Через полчаса группа подошла к небольшому дому, где, судя по вывеске, на которой была изображена дама с шарообразными выпуклостями, жил портной. После продолжительного долбления в дверь, сопровождаемого матерным рычанием, она все-таки приоткрылась, и в образовавшуюся щель высунулся нос невысокого лысоватого человечка. Провожатые Влада молча втолкнули человечка в дом, и один из них резко сказал:

– Сделаешь все, что нужно вот этому господину. Приказ Паука. Господин, мы вам еще нужны? Если что, мы в трактире.

Влад кивком отпустил своих «охранников» и, когда за ними захлопнулась дверь, сказал:

– Принесите сюда мел, или уголь, или чем вы там рисуете свои чертежи. Или лучше так: вы видели когда-нибудь мага Шамасса?

– Видел, конечно, – испуганно отозвался человечек. – На публичных казнях и жертвоприношениях. Еще – как-то в городе, он шел в сопровождении охраны.

– Можете быстро, в течение часа, к примеру, сшить тогу, точь-в-точь как у него?

– Зачем?! – поперхнулся человечек. – Это зачем?

– Ваше-то какое дело? Вы хотите, чтобы я ответил? Но после ответа и после того, как вы сошьете тогу, мне придется вас убить. Вам это надо? Нет? Тогда к чему задаете лишние вопросы? Лучше поторопитесь, у меня очень мало времени.

– Извините... это я от неожиданности, – заторопился портной. – Через час все будет готово! Слава богам, у этого мага очень неприятный вкус и тога простенькая. Материал черный у меня есть, так что сшить несложно. Через полтора часа все будет готово!

Пошив занял почти два часа. К тому времени как все было готово, солнце стало ощутимо клониться к закату – еще час, и стемнеет.

Влад принял из рук портного тогу и натянул ее поверх куртки. Нет, тесно. Он сбросил куртку и снова надел тогу – вот теперь хорошо. Поглядел на куртку – жалко бросать. Усмехнулся – да плевать на нее! Тут ставки серьезнее. Открыл дверь и вышел на вечерний воздух.

Небо очистилось, дождь прекратился, и на темно-синем небе стали проявляться вечерние звезды. Солнце укладывалось спать за морем, погрузившись в него почти до верхнего края и окрасив небо в багряные тона, напоминающие свежую кровь.

Влад отошел подальше от дома любопытного портного, забрел в тень одиноко стоящей у какой-то хибары ветлы, сел на скамеечку под ней и сосредоточился. Переделывать лицо было неприятно, но необходимо – другого способа попасть во дворец нет. Через полчаса, когда на город опустился вечер, все было готово – под капюшоном сверкало глазами яростное лицо фанатика-аштарийца вместо добродушной европейской физиономии Олега Видова. Влад не мог видеть результатов работы – он не взял у портного зеркальца, да и если бы взял – все равно в темноте ничего не видно. Но маг был уверен, что все сделал точно. Переделка лица заняла достаточно много времени – кости тяжело поддавались изменениям.

Теперь можно отправляться к дворцу. Пока что Влад плохо представлял, как он войдет во дворец, – внешность внешностью, но что, если кто-то обратится к нему и что-то спросит? Он ведь не знает, как ответить. А если его разоблачат? Он погибнет, а с ним погибнет и Амалия. И еще тысячи, сотни тысяч людей. Но и медлить он не мог – кто знает, что там творят с девушкой? Он подозревал – ничего хорошего. Их задача – прорваться через поставленный им ментальный блок, а сделать это можно, только ослабив ее организм настолько, что мозг подвергнется частичному разрушению и связи, блоки рухнут. Влад не сомневался, что ее подвергнут самым страшным пыткам и в конце концов все равно добьются своей цели. После этого Амалию убьют. Так что каждая минута была на счету. Девушка находилась в руках палачей уже сутки и уже могла сдаться под напором своих мучителей, а может, и умереть.

Решив, что определится на месте, Влад зашагал к элитному району, где когда-то стояли принадлежавшие ему два дворца. Впрочем, как он убедился, они уцелели. Вот только ветер хлопал незакрытой калиткой, а во дворе валялся мусор, изорванные тряпки и обломки мебели. Завоеватели постарались.

Уже за его бывшим поместьем ему стали встречаться патрули – завидев знакомую фигуру, они отдавали воинский салют и переходили на другую сторону улицы, подальше от него, на всякий случай. Мало ли что придумает ужасный маг, который холодно и без эмоций отправлял и отправляет сотни людей на жертвенный камень, так же бесстрастно вырывая у них сердца и отрезая головы. На то и рассчитывал Влад, в диктатуре есть свои хорошие стороны – по крайней мере, для него. Кто осмелится задать вопрос жуткому монстру? Голос-то он не смог переделать... да он никогда и не слышал голоса Шамасса, как бы он его подделал?

Вот и ворота дворца. Их охраняют четверо викантийцев и человек в странной одежде, обвешанный амулетами. Охранники тут же распахивают перед лже-Шамассом створки, не задавая вопросов, лишь человек с амулетами, видимо маг, удивленно поглядывает на своего господина, но тоже не решается о чем-то спросить. Влад облегченно вздохнул – первый круг пройден. По чисто выметенным дорожкам он направился напрямик к тому месту, где, как показал ему Паук, находится вход в подземную дворцовую тюрьму. Входа два – один снаружи, другой изнутри дворца. Но понятно, что никто не будет таскать узников через дворец – всех их доставляют через этот, наружный вход.

У входа в подземелье стоят четверо аштарийцев, и, как заметил Влад, на стенах дворца, на внутренней территории – везде, куда ни кинешь взгляд, ходят и стоят солдаты. Если пробиваться с боем, они могут просто задавить толпой, как взяли, к примеру, Амалию. Конечно, Влад не Амалия. И взять его многократно труднее, однако... чего не бывает. Был же он когда-то в плену, и наконечники и кандалы из макрила, блокирующего магию, существуют в этом мире, он убедился в этом на своем горьком опыте.

Маг прошел к двери подземелья, сделал повелительный жест рукой, и перед ним распахнулась дверь, за которой находилась крутая каменная лестница, уходящая вниз. Влад никогда тут не был, а если бы и был, он бы не решился на создание портала напрямик в подземелье – шум был бы невероятный, так что его миссия закончилась бы плачевно.

Старший из охранников удивленно посмотрел на «Шамасса» и уважительно спросил:

– Вы снова к этой сучке? Эх и крепка оказалась! Весь день ее пытали, а она только орет да матерится! Там от нее уже почти ничего не осталось, а все держится! Нашим солдатам поучиться бы у нее стойкости! Вас проводить, господин Шамасс?

Влад кивнул и пошел следом за охранником, глядя ему в коротко стриженный затылок. Он отчетливо видел все волоски, все прыщики и ссадины на мощной шее, и ему ужасно хотелось ее свернуть.

Они спустились в коридор, по сторонам которого находились забитые узниками камеры с толстыми решетками вместо стен, и подошли к двери, окованной железом, за которой слыша-

лись стоны и радостный смех. Стражник распахнул дверь, и глазам Влада предстала картина, которую забыть невозможно – даже если бы он и мог это сделать.

На металлической крестовине висело то, что осталось от некогда красивой, стройной девушки – у нее не было ни рук, ни ног, только культы, видимо наспех залеченные магом-лекарем. Глаз у нее тоже не было, как и носа – страшная маска, как череп, вместо лица. Палач вырвал ей груди, исполосовал тело так, что кожа висела лохмотьями, но Амалия все-таки была жива и глухо стонала. Наверное, огромный ресурс организма, заданный когда-то Владом, да железная воля не позволяли несчастной расслабиться и умереть.

– О! Господин Шамасс! – воскликнул удивленный палач, откладывая острые щипцы. – Вы же сказали, больше к ней не придете, и приказали умертвить ее как можно мучительнее! Я уже подходил к заключительному этапу, хотел вспороть ей живот, а вы решили еще с ней побеседовать?

Влад отступил в сторону, рывком втащил в камеру сопровождавшего его охранника и одним ударом разбил тому голову так, что она расплющилась как блин. Дергающееся тело еще не упало, когда маг шагнул к испуганному палачу и подхватил того невидимой магической рукой, подумал немного и, разделив «руку» на два отростка, взялся обеими «руками» за ноги мучителя и под его душераздирающие крики разорвал на две части, залил пол кровью и нечистотами.

Затем Влад подошел к крестовине, на которой висело обезображенное тело Амалии. И тихо, с трудом выталкивая слова через комок в горле, сказал:

– Амалия, это я! Я за тобой пришел! Потерпи, детка, скоро все будет хорошо!

Девушка приподняла голову и с трудом, хрипло сказала:

– Я знала, что вы придете за мной. Они меня так мучили, так мучили... – Ее голова обмякла, и Влад с ужасом понял, что сейчас может потерять Амалию – девушка держалась только надеждой на то, что он придет, а когда это случилось, ее воля ослабла и организм стал сдаваться.

Он тут же вошел в транс и стал вливать в девушку потоки жизненной силы, параллельно отключив у нее болевые ощущения. Посиневшее лицо Амалии порозовело, и ее дыхание, совсем ослабевшее, стало ровнее. Влад усыпил девушку и огляделся. Цепи, которыми ее приковали, впечатляли – они спокойно могли удержать океанский корабль, не то что хрупкую девушку, а ее руки были закованы в наручники толщиной сантиметра три.

Подумав, Влад создал воздушный кулак, уменьшив его толщину у самого края практически до молекулы, и как гигантским ножом обрубил цепи с наручников. Культы под ними распухли и посинели, явно залеченные каким-то лекарем-изувером при пыточной. А может, и самим Шамассом. Жертва же не должна умереть раньше времени!

То же самое Влад проделал и с ногами, вернее, с тем, что от них осталось – судя по всему, палач отрубал их по кускам. Влада чуть не вырвало, у него волосы стояли дыбом от вида этой запредельной жестокости. Ему хотелось разнести дворец, но он спохватился, остановив кастование магии на начальном этапе. В клетках сидят узники, приготовленные в жертву. Если он сейчас исчезнет с Амалией, они погибнут наверняка. Они погибнут и без его исчезновения, но будет ли он потом считать себя человеком, если не попытается их освободить?

Влад бережно снял Амалию с пыточного места и положил ее на столик, смахнув с него приспособления для изувечивания людей. Сняв с себя тогу, он завернул в нее этот несчастный обрубок, бывший некогда прекрасной девушкой, и решительно вышел в коридор.

В нем никого не было, и лишь наверху, у двери, ведущей на волю, стояли двое охранников и весело обсуждали что-то. Влад ударил по ним воздушным кулаком и размазал врагов по каменной стене. Затем он подбежал к двери, осмотрел ее – дверь была стальная, как и дверной проем в каменной кладке. Сломать ее было очень трудно даже сильному магу. Влад сосредоточился и, награв металл до белого каления, заварил дверь намертво. Теперь ее можно было

только вышибить или же разбивать кладку дворца. Спустившись вниз, он усилил голос и сказал на все подземелье:

– Слушайте меня все! Меня зовут Влад, я принял сейчас личину Шамасса, чтобы освободить своего человека и вас! Я сейчас открою двери камер, и вы выйдете из них. Затем я создам портал, войдя в который вы попадете в мой замок, где вам окажут помощь! Те, кто не успеет или не сможет войти в портал, останутся тут и погибнут, ждать никого не будем! Будьте готовы! Помогайте слабым и немощным, в моем замке всем будет оказана помощь!

Некоторое время в подвале было тихо, а затем он взорвался криками:

– Влад! Влад! Спаси нас! Влад!

Маг стал магической рукой срывать решетки, откатывающиеся по направляющим в стороны, и через несколько минут в коридоре стало тесно от кричащих и плачущих узников. Кого тут только не было – дети, старики, женщины и мужчины, – видимо, на алтарь годились все, у кого есть душа.

Толпа стала напирать, тесня Влада, и он крикнул, снова усилив голос:

– Сейчас я войду в пыточную и создам портал, когда услышите грохот и треск молний, – бегите и прыгайте в него!

Он бросился в пыточную, схватил в охапку недвижимую Амалию и открыл портал. Запахло озоном, и по углам пыточной зазмеились крупные белые молнии. Люди в коридоре испуганно замерли и, лишь когда он крикнул:

– Скорее! Сейчас тут будут стражники! – бросились в комнату.

Группа за группой, нескончаемым потоком узники вваливались в портал, исчезая в нем, как камень, брошенный в гладь речного затона, до тех пор пока в коридоре не раздались крики и стоны – удары по входной двери Влад слышал уже несколько минут. Видимо, охранникам все-таки удалось сорвать дверь, и они проникли в коридор темницы. Несмотря на явную опасность, Влад дождался, когда последние узники исчезнут в жемчужном окне магического портала, и прыгнул следом, успев заметить показавшихся в дверном проеме вооруженных аштарийцев.

Головокружение, удар о землю, и Влад выпал на заснеженную площадку у ворот замка. Он посмотрел на сопящую в его руках Амалию, покрытую коркой крови, – вроде цела, состояние стабильное. У мага отлегло от сердца. Главное – жива, мозг цел, а тело... тело он ей сделает лучше, чем прежде. Восстановит и черты лица, и красоту... вот только душевные раны залечить очень трудно. Но и это достижимо.

К выпавшим из портала людям бежали из замка вооруженные охранники, а впереди – Макобер в одном из своих дурацких нарядов.

Подбежавший маг оглядел толпу людей, остановил взгляд на Владе с Амалией на руках и бросился к нему.

– Ты? Что с ней? Бедная девочка... твари, что они с ней сделали! – Макобер заплакал, смахивая слезы тыльной стороной ладони, и попытался взять девушку у Влада. – Дай, дай ее мне! Я понесу... бедная девочка!

– Хватит ныть! – рассердился Влад. – И без тебя тошно! Беги распорядись, чтобы приняли этих людей – это бывшие узники аштарийцев, и готовь операцию, будем нашу девочку лечить. Скорее!

И Макобер, как мальчишка, помчался выполнять распоряжения своего начальника.

Глава 4

– Спокойно! Все пошли вон! Хватит тут ныть! – разозлился Влад и буквально выпихнул из комнаты рыдающих Лесану и Макобера. – Макобер, ты-то чего ноешь, как баба? Иди успокойся и приготовься к операции. Лесана, вели приготовить бульон с перетертым мясом. Покрепче, понаваристее. Бинтов, чистых тряпок, горячей воды, крепкого вина – в общем, полный набор для операции. Макобер, проследи! И всем успокоиться! Все будет хорошо, будет лучше, чем прежде!

Влад сердито захлопнул дверь и опустошенно уселся рядом с кроватью, на которой лежала обезображенная Амалия. Та порозовела, дышала ровно – палач знал свое дело, не повредил пытками никаких внутренних органов, все повреждения были внешними, и, когда Влад залечил раны, состояние Амалии стабилизировалось, и непосредственная опасность жизни исчезла.

Вот только это мало радовало – выглядела Амалия не то что ужасно, на нее нельзя было смотреть без содрогания. Изуродованное тело с полусодранной кожей, на культиях чернели вросшие в тело наручники – ради экономии времени и сил, а также во избежание гангрены Влад принял решение об ампутации.

Он всматривался в лицо своей подруги, данной ему судьбой, и грустно усмехался – думал ли он когда-то, будучи в рабском ошейнике в далекой южной стране, что будет переживать за эту девушку, как переживал бы за свою сестру или жену... Тогда он ее люто ненавидел.

Совместные трудности, беды и горести роднят, люди, прошедшие через горнило страшных испытаний, становятся гораздо ближе друг другу. Он очень боялся за Амалию и был сердит на нее за то, что она подвергла себя такой опасности, отправившись в дорогу одна. Раньше он не задумывался над этим – привык к тому, что сам все и всегда норовил сделать в одиночку и, лишь когда нельзя было сделать самому, привлекал других людей. Действовал годами проверенный принцип: хочешь провалить дело – не делай его сам, а поручи кому-нибудь. Так, в земной жизни провалилось несколько его предпринимательских проектов, когда люди не хотели или не могли как следует работать и не помогали никакие меры – ни высокая зарплата, зависящая от результата, ни даже угрозы мордобоя. Вот и теперь Влад как само собой разумеющееся воспринимал то, что он лично везде бегал и летал, и то, что его заместительница отправилась на разведку в одиночку, тоже вначале воспринял как должное. Только теперь он стал понимать, что это неверно. Таким индивидуализмом государство не построишь. Каждый должен быть на своем месте. А строить государство однозначно придется, и с ноля.

Хлопнула дверь, и несколько мужчин, испуганно поглядывая на Амалию, внесли в комнату здоровенное деревянное корыто и ведра с горячей и холодной водой. Следом вбежали Макобер, несколько магов-лекарей клиники, таща ворохи чистого полотна, порезанного на куски. Затем Макобер выгнал всех, кто был в комнате, и остался вдвоем с Владом.

– Ты нож захватил? Я имею в виду молекулярный. – Влад повернулся к Макоберу и вопросительно посмотрел на него.

– Ампутировать будешь? – понимающе кивнул маг. – Да, захватил. Я это предвидел.

– Хорошо. Давай вот как сделаем: сейчас мы ее положим в корыто, обмоем как следует, смоем грязь, кровь, потом перенесем вон туда, на стол. Ампутирuem выше кандалов, сразу залечим и начнем с лица и зубов – зубами ей надо жевать, иначе восстановить силы будет нечем, ну а лицо... пусть вначале будет лицо. Затем займемся телом. А уж затем отрастим руки и ноги. Фактически она потеряла не менее тридцати процентов тела, так что отращивать надо будет осторожно и не в один прием. Иначе она умрет. Марьяна с Мариной где?

– Они по деревням ездят, набирают потенциальных магов, учить будем. Это, Влад... давай ты сам будешь всю пластику делать, а? Боюсь я ее восстанавливать – ты-то уже навост-

рился на этом деле, а я еще не совсем в теме. Тут очень для меня сложно. Боюсь я... Это не просто девушка, это же Амалия. У меня руки трясутся, когда я ее касаюсь. Влюбился на старости лет... уж прости, что говорю тебе это.

– Эх, Сигизмунд, Сигизмунд... ты что, не понимаешь, что она всегда будет любить только меня? У нее стоит такой блок, что даже я не могу его снять! И наверное, никто не сможет. Она никогда не полюбит тебя... по крайней мере, так, как меня. Ну да, я могу дать ей приказ, чтобы она спала с тобой, чтобы жила с тобой, но она не может тебя полюбить. Ты это понимаешь? И она не может иметь детей – увы, об этом я тоже позаботился. Впрочем, это-то решаемо... тело можно изменить. Вот связи в мозге уже необратимы. Ты сможешь жить с женщиной, которая тебя не любит? И справедливо ли будет лишить ее общения со мной? Она всегда будет хотеть меня и воспримет то, что я отлучу ее от постели со мной, как обиду, горе, не менее того! Ну да, да – я так сделал, да, это необратимо, и мне сейчас досадно, что я ничего не могу изменить, но это факт!

– Влад, я готов пойти на то, что она будет ходить к тебе и спать с тобой. На все что угодно согласен, лишь бы она была со мной. Я ее люблю!

– А ты спросил, готов ли я пойти на то, чтобы моя женщина делила постель с кем-то еще? Даже если это мой друг... Увы, я к этому еще не готов. – Влад криво усмехнулся и взлохматил себе волосы. – Ни к чему как-то наш разговор. Давай вначале ее поднимем на ноги, а потом уже и поговорим. Кстати, может, пригласим женщин-лекарей, пусть ее как следует обмоют? И приготовят к операции. Это будет правильнее.

Макобер грустно кивнул и, открыв дверь, позвал лекарей. Через минуту в комнату вошли три девушки из первого набора лекарей, работавших в клинике. Они без лишних слов подняли то, что раньше было Амалией, и осторожно положили в деревянное корыто. Затем, смешав воду в ведре, стали поливать на нее из ковшика теплой водой и смывать присохшую корку грязи и крови мягкими тряпочками.

– Она не чувствует боли? – забеспокоился Макобер.

– Само собой. Первым делом я отключил ей болевые ощущения. Так что можете спокойно обмывать. Поторопитесь, девушки, нам еще операцию проводить.

Лекарки действовали сноровисто и умело, минут через десять процедура омовения была закончена, а Амалия уложена на стол, покрытый чистой белой простыней.

– Останьтесь, – Влад кивнул двум лекарям, – полейте мне на руки. И друг другу. Будете помогать. Вином хорошенько сполосните. Впрочем, чего это я, вы же лекари не первый день. Просто нервничаю.

Через пять минут Влад стоял над Амалией, держа в руке молекулярный нож – острие лезвия которого было шириной в молекулу. Этим ножом можно было перерезать все что угодно, и вот теперь он будет резать тело Амалии. Немного помедлив, Влад четким движением отсек ей кусок руки с вьевшимся в него обручем кандалов. Пришлось взять выше обруча сантиметров на десять – для верности. Влад опасался гангрены и предпочел не рисковать и захватить часть живого тела. То же самое он проделал с другой рукой и с ногами. Ноги остались целыми чуть ниже колен. Лекарь остановил кровь в местах ампутации, так что кровопотери практически не было. Под столом валялись обрубки, при виде которых обычный человек упал бы в обморок, но лекари видали и не такое. Отложив нож в сторону, Влад возложил ладони на тело Амалии и почувствовал биение сердца, исправно прогоняющего кровь по жилам. Он вошел в транс, сосредоточился... из рук потекла Сила, формирующая прежние формы девушки и заживляющая раны.

Вначале оформился прелестный носик – Влад помнил, каким он был, на тех местах, где были уши, набухли бугорки, увеличивающиеся в размерах и превращающиеся в розовые, красивые ушки молодой девушки двадцати лет от роду. Сломанные зубы вылезали из десен, подталкиваемые новыми, белыми и чистыми, как первый снег, и скоро посыпались изо рта, как

кусочки ореховой скорлупы. Пришлось девушкам-лекаркам наклонить Амалию в сторону и практически вытряхнуть у нее изо рта осколки зубов.

Кожа на голове стала очищаться, а в глазницах появились бугорки – зародыши новых глаз. Влад подумал, усмехнулся и сделал глаза ярко-голубыми – интересно будет выглядеть жгучая брюнетка с ярко-голубыми сияющими глазами. Сексуально будет выглядеть. Амалии должно понравиться. Скоро глаза успокоились под веками, Влад проверил – нервные окончания в порядке, все цело. А что было порвано – восстановилось. Пришел черед тела.

Содранная кожа восстанавливалась, натягивалась на мышцы, тело становилось гладким и чистым. Влад позаботился о том, чтобы грудь Амалии была такой же крепкой и упругой, как до пыток.

Осмотрев сделанное, Влад был удовлетворен – все шло хорошо. Организм девушки, как будто вспоминая прежнее состояние, легко откликался на посыл лекаря и заращивал все видимые и невидимые повреждения. Через полчаса Амалия была практически здорова, если не считать отсутствия рук и ног. Она походила на большую куклу, у которой злой ребенок оторвал конечности и бросил на стол...

Приступая к отращиванию конечностей, Влад в очередной раз внимательно осмотрел больную и просканировал состояние – Амалия похудела, ведь не из чего строить! Организму требовались «кирпичики» для построения всего «здания». Влад решил начать с рук – она должна хотя бы сама держать ложку. Ну а ноги – дело наживное. Тем более что для рук требовалось меньше материала, чем для ног. Выращивания ног Амалия сейчас не выдержит.

Культи удлинялись, удлинялись, удлинялись, потом на их концах вспухли шишки, из которых, в свою очередь, стали вытягиваться пальцы, обрастающие плотью. Это заняло еще около часа – вырастить кости совсем не просто, тем более что кости Амалии были модифицированы и очень прочны. Влад вспомнил о валяющейся на полу пыточной пиле, очень напоминающей пилу по железу. Вероятно, изуверы именно ею и действовали.

Наконец руки сформировались. Они были слабы даже на вид, худы и тонки, но для наполнения их силой нужно было много плоти – а плоти у девушки почти не осталось. Она сильно исхудала, новообретенные щеки ввалились, и лекарь понял – хватит! Теперь нужно было подкинуть ей строительного материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.